Смертельный рейд

Автор:
Юрий Иванович

Смертельный рейд

Юрий Иванович

Магия – наше будущееРаб из нашего времени #4

Чтобы вырвать своих подруг из горнила войны с людоедами, Борис Ивлаев вынужден совершить беспримерный рейд через тылы зроаков, уничтожая при этом десятками как самих людоедов, так и кречей, их летающих приспешников. В этом ему помогает бывший мастер циркового искусства Леонид Найденов. Друзьям, взявшим себе новые имена, сопутствует успех, только вся незадача в том, что и разыскиваемые ими подруги долго не задерживаются на одном месте, а геройски сражаются с противостоящими им злобными силами.

Юрий Иванович

Смертельный рейд

Пролог

Эти два врага, соратника, соперника, коллеги и противника уже во второй раз за короткое время были вынуждены встретиться на нейтральной территории. И опять это был лес в одном из миров, где не обретался никто из разумных существ. Только представители дикой фауны здесь прокладывали свои тропы. Только этими тропами лес и пересекался во всех направлениях, которые лишь изредка видоизменялись по причине падения огромных древесных великанов.

Мужчины в брезентовых куртках весьма походили на грибников, да и называли их некоторые люди именно Грибниками, но только наивный юнец подумал бы, что у них в тяжеленных рюкзаках рвут ткань собранные грибы. Да и не было грибов в этом лесу изначально.

– Ну вот и встретились, – ехидно скривился приземистый, широкоплечий Грибник. – А ты все попрощаться спешишь!

Высокий и худощавый, прежде чем ответить, осмотрел собеседника уничижительно и с презрением:

– Никак понять не могу, почему именно ты ко мне на встречу приходишь? Почему не тот же Морт, например? Или до сих пор боится, что я ему мстить за все его подлости стану?

– Хм! Это скорее Морт опасается, что не удержится при личной встрече с тобой и…

– Обделается со страха? – хохотнул худощавый. – Да и вообще, мне подобные встречи с каждым разом не нравятся все больше и больше. Чего вы от меня добиваетесь?

– Поддержания единого порядка! За который ты сам когда-то ратовал больше всех.

– Э-э, Тамихан! – Имя было брошено словно плевком. – Это ты зря о порядке вспоминаешь! Перекрутили вы с Мортом многие изначальные понятия, так что распределение по секторам – единственный вариант какой-то справедливости и неприкосновенности. Насколько я знаю, ведь в иные сектора вы и лезть не пытаетесь, там вам сразу зубы выбьют за попытки сунуться со своими непрошеными советами.

– Следи за словами, Петроний Баккартри! – перешел на злобный шепот приземистый крепыш. – Ты совсем теряешь не только контроль, но и разум! Все наши сектора взаимосвязаны: разрушение одного неизменно повлечет разложение остальных.

– Если будут нарушены основы мироздания!

– В последний месяц случаи неконтролируемых пробоев на твоей гауриадной консоли просто зашкаливают в количестве, ну а то, что случилось в последние дни, вообще не поддается осмыслению: ты решил спасти жалкие остатки мира Герчери. Зачем? Почему ты пошел на подобное нарушение всех уговоров?

Худощавый, названный только что Петронием Баккартри, ядовито улыбнулся:

– Ты еще скажи, что вы сами к этому своих ручек не приложили!

– Не понял? – вроде как чистосердечно поразился Тамихан. – В чем ты нас подозреваешь?

– Ну, начнем с моего лучшего питомца, гелиарна Дюка. Эту птицу-сторожа, под цифрами и аббревиатурой УГЛС-251-ХП, я посадил в Диком, намереваясь пленить случайных людей, которые каким-то образом уловили суть перехода туда с Земли. И что ты думаешь? Дюка оглушили ментальным ударом, что вызвало у него короткий паралич и он банально разбился, упав с башни. Как ты думаешь, могут земляне так коварно уничтожить такого уникального сторожа?

– Ну… чего только не случается.

– А я почему-то уверен, что тем землянам кто-то помог. Причем из наших коллег. Идем дальше. Я перенастроил точки перехода из Дикого в мир Трех Щитов. И что? Те, кто прошел, и дальше продолжали жить, мутить воду, вмешиваться в политику и при этом здравствовать. А начавшаяся в мире чистка никого из посторонних не коснулась. Куда они могли спрятаться? Кто их предупредил и кто их дальше продолжает курировать? Они у меня нигде не фиксируются по причине иномирского происхождения. Или сами погибнут при чистке, или уже давно сидят под чьим-то крылышком в ином мире. Ну и последний массовый исход почти четверти миллиона людей из гибнущего мира Герчери – это для меня тоже невероятный шок. До сих пор не могу ни признать это как данность, ни понять кто, как и почему помог тем людям спастись. И у меня лишь одна догадка на эту тему: это ты с Мортом решил таким образом смять стабильность моего сектора и ополчить на меня остальных коллег. Иного – не дано!

Приземистый крепыш пожал плечами, а потом и руками развел в стороны:

– Могу поклясться чем угодно: ни одно твое обвинение не имеет под собой основы. И ты прекрасно знаешь, что довольно скоро наши консоли выдадут и способы нарушения переходов, и портреты личностей, их совершающих. Так что нам самим идти на подобную подлость – не с руки при всем желании хоть немного тебя позлить или раззадорить.

– Вон оно как! Позлить или раззадорить. Это теперь так называется ненависть и жестокая конфронтация?

– Не я это сказал! – поднял указательный палец Тамихан. – Это ты считаешь, что мы с тобой воюем, тогда как наша группа только и мечтает о единстве между нами и о стабильности в каждом секторе.

– Ладно, формулировки наших отношений пока оставим в покое. Мне важнее, что ты утверждаешь категорически: вашего вмешательства в дела моего сектора не существует.

– Утверждаю!

Петроний Баккартри отвесил шутливый полупоклон:

– Тогда все в порядке. Основам мироздания ничего не грозит. И не смотри на меня так хмуро и недоверчиво. Что ты, что твой Морт должны помнить: если изменения в мирах происходят по вине их разумных обитателей – значит, стабильность нерушима. Верно? Вот и прекрасно! Теперь уже точно прощай! Если у меня будут сложности, я сам вам дам знать о времени и месте встречи.

Видно было, что Тамихан еще о многом хочет поговорить, но худощавый Петроний уже пятился по тропинке, не спуская взгляда от своего ненадежного коллеги. По этой причине и широкоплечему ничего не оставалось, как самому только со злостью сплюнуть да податься назад.

На какое-то время судьбы парочки миров оказались под пристальным вниманием почти бессмертных созданий, мышление которых находилось вне всякой нормальной человеческой логики.

Глава первая

Знакомство

Труба, в которую меня бесцеремонно зашвырнул четырехметровый великан, оказалась сродни тем, что строят в парках водных аттракционов. Вот только ее начальная часть была строго вертикальной метров тридцать, а потом резко переходила с общим уклоном в сорок пять градусов, но при этом становилась в виде штопора. То есть меня крутануло раз десять вниз головой, лишая всякой ориентации в пространстве, а потом выбросило туда, что как раз и считается самым желанным в парке аттракционов: в жидкостную среду.

На мое счастье, среда и в самом деле оказалась водой, но какой холодной! Мне показалось, что я вонзился в бетон, не только из-за большой скорости, но именно из-за холода. Не больше чем восемь градусов в плюсе по Цельсию. Вдобавок, кувыркаясь в некоем подобии длинного бассейна, я изрядно приложился правым плечом и правой частью лица о дно. Вода мне забила уши, нос и чуть глаза в мозговую коробку не затолкала. Ну и дыхание жутко сперло от удара и леденящего холода.

Вставал я на ноги и пытался вздохнуть чисто на инстинктах. Неглубоко там оказалось, чуть выше пояса, но первая мысль пронеслась по поводу простуды личного наследства: «Стоило убегать от проклятий вашшуны, если я себе сейчас все отморожу, нафиг!» Кричать что-то вслух, как и толком осмотреться, мне мешала все та же вода, поэтому я двинулся, куда ноги шли, шумно откашливаясь, отфыркиваясь и протирая глаза кулаками.

– Телепяк! Куда прешь? – услышал я над собой насмешливо-удивленный голос. – Хочешь к чихолу на корм попасть?

Хотел я сейчас больше всего оказаться на чердаке нашего семейного дома в Лаповке, среди своих любимых деталек и общих систем информации. Но и к какому-то там чихолу на корм я попадать ни в коей мере не желал. Поэтому покорно замер на месте, кое-как проморгался и, чувствуя, как у меня отмерзают конечности вместе с нижними придатками, все-таки попытался осмотреться. Бассейн, который меня так гостеприимно принял в свои объятия, в длину простирался метров на сорок, а в ширину метров на пятнадцать. Но вот его боковые прозрачные стены вздымались на высоту метра в четыре. То есть

самостоятельно выбраться из бассейна нечего было и мечтать. Мало того, боковые дорожки у стенок темнели некоей странной глубиной. Там что-то шевелилось и ворочалось, а когда я поднял глаза на прозрачную стенку и присмотрелся (что это там такое кругленькое?), то у меня онемела и верхняя часть тела вместе с захрустевшими от восстания дыбом волосами. На меня смотрел глаз какого-то чудовища! Монстра из монстров! Подобных которому я не видел даже в современных фантастических фильмах.

Причем посмотреть на меня обоими глазами чудовищу мешала ходовая платформа вне бассейна, он упирался в нее головой, как бы приподнимая над водой только одну часть своей гигантской пасти.

Хоть и в замороженном состоянии, но мой мозг догадался, что перед нами и есть тот самый чихол, и я непроизвольно отступил назад. После чего заметил висящие прямо у меня возле лба ременные петли, очень удобные для вдевания в них рук и удержания. Да и все тот же насмешливый голос подтвердил мою догадку по поводу петель:

– Да пошевеливайся ты! Судорога схватит – баграми за кожу вытаскивать будем! Оно тебе надо втройне дырявому ходить?

Мне и своих дырок хватало в самый раз. Поэтому, кое-как приподняв скрюченные руки, я просунул кисти в петли и сжал ремни пальцами. Вытаскивали меня на бортик бассейна неким подобием длинного журавля, который используют при доставании ведер с водой из колодца. Два здоровенных бугая налегли на противоположный край, утяжеленный парой внушительных гранитных блоков, и меня легко выдернули из грозящего смертью и огромными монстрами холодильника.

Задубевшие ноги совсем не слушались, чуть не подогнувшись, а руки из петель пришлось высвобождать с посторонней помощью. Это сделал пожилой мужчина с седыми, как мне показалось, волосами. И только чуть позже, присмотревшись, стало понятно: передо мной альбинос. Еще и глаза у него так и пугали странным розоватым белком вокруг зрачков. Хотя улыбка на бледном лице была дружеская и располагающая.

– Парень, ты откуда?

Говорил он точно так же, как и поймавшие меня великаны. Понимал я его нормально, но вот самому перейти на подобный суржик, да с очень специфическим акцентом, прямо вот так с ходу я бы не рискнул. Хорошо, что припомнил, как в первые дни пребывания в Рушатроне удачно имитировал простуженного паренька с больным горлом, да и сильно притворяться-то сейчас не приходилось. Вода вытекала у меня из носа, я пытался прокашляться и выбить жидкость из ушей. Морда, после удара, наверняка наливалась синевой.

– Тебя что, первый раз в холодняк бросили?

Я кивнул.

– Ха! Так все равно знать должен: нос надо закрывать, телом сжиматься перед ударом о воду. Так откуда ты? – Мой уткнутый в потолок палец явно альбиноса не удовлетворил. – Да я понимаю, что ты не из пасти чихола вылез! Из какого сектора, спрашиваю. Или из другого города?

Массируя горло и прокашливаясь, я закивал интенсивно головой. Лучше уж признаться, что не местный, чем потом сразу попасть под разоблачение, не зная ни номеров секторов, ни что в них находится. При этом я старался внимательно рассмотреть окружающую обстановку и сформулировать правильное мнение.

Мужики, поднявшие меня журавлем, закрепили рычаг на место и поспешили куда-то по своим делам, на ходу взглянув в мою сторону с явным любопытством. В помещении бассейна помимо доставившей меня трубы имелось и четыре выхода, за которыми дальнейшая перспектива терялась из-за поворотов. С потолка опускался ровный, скорее электрический свет люминесцентных ламп в виде провисающих полусфер. Кругом металл, скорее всего, нержавеющий, стекло, несколько мутноватое, с различными цветовыми оттенками, и пластик.

Первый вывод: здесь ну совсем не средневековье!

– Из другого города? – поразился тем временем мужчина с белыми волосами. – Как же тебя угораздило к нам попасть? – Я пожал плечами и постарался прохрипеть нечто неразборчивое. – Давненько у нас такого не было! Я, пожалуй, даже и не припомню такого случая за последние лутени.

Мои разведенные в понятном жесте руки показали, что я и сам озадачен своим здесь появлением. При этом я почувствовал, что мой первый щит вышел из замороженного состояния и теперь интенсивно пытается прогреть вверенное ему тело. Но куртку в любом случае следовало снять и хотя бы выжать из нее ледяную воду.

Мои действия еще больше заинтересовали альбиноса, он прямо круги вокруг меня нарезал.

– Точно не из наших краев! У нас таких одежд ни у кого нет. Сильно отличаются. – Мое пожатие плеч было воспринято как жест печали и скорби. – Пришлось бежать по семейным мотивам?

Тут я задумался и начал делать головой такие движения, что вроде как и киваю, вроде как и опасаюсь, но и сомнений у меня куча преогромная. Как я замечал уже не раз, собеседники в таком случае сами прекрасно могут додумать и выдать на-гора вариантов вагон и маленькую тележку. Если тут такое возможно, то так и буду опираться на некие семейные обстоятельства. Хотя если припомнить слова великанов, то я – раб. А какие могут быть у раба семейные обстоятельства для побега? Я бы, например, ни в жизнь не догадался, но мне повезло с собеседником.

– Наверное, тебя заставляли насильно жениться? – Мои округлившиеся глаза его только обрадовали. – Я так и знал! Все вы, молодые, одним мирром мазаны! Все вам любви хочется да больших светлых чувств. Телепяки!

Последнее слово что тут, что в мире Трех Щитов обозначало исконно русское слово «дураки». Но я, наверное, и в самом деле в тот момент, с отвисшей челюстью и круглыми глазами, походил на полного телепяка. У меня в голове не укладывалось, как можно насильно женить мужчину? С женщиной все понятно, физиологически, как бы она ни сопротивлялась и была морально против, она будет возлежать на брачном ложе, ее будут иметь, и она по желанию или без, но оставит после себя потомство. Тогда как с мужчиной подобное не прокатит. Если ему жена не мила, то он, даже если и сподобится на некое подобие секса, всегда может постараться избежать нежелаемого отцовства.

Правда, мне тут же в голову пришла мысль, что, возможно, где-то совсем недалеко томится в колодце Шаайла, с которой я при всем моем противлении

умудрился попасть под страшный каток интимных вашшунских отношений. А если девица еще и забеременела, то уж лучше… Ну да, как минимум тогда лучше так и остаться именно в этом мире.

«Нет, нет, нет! – спохватился я. – Что за глупые пожелания?! А вдруг здесь заставляют жениться на женщинах пожилого возраста? Шаайла хоть и на лицо страшненькая, как атомная война, зато телом природа одарила великолепным, с ней хоть в темноте забыться можно».

Уже изрядно разогревшись, видя, что меня тут не терроризируют, не бросаются обыскивать и не мешают подсушить одежды, я бодренько так сдернул с себя почти все, быстро выкрутил и вновь натянул на бренное тело. Моя сноровка вызвала завистливое цоканье языком.

– Да ты никак воин? – Мое запоздалое мотание головой его не убедило. – Точно воин! Иначе никто другой не смог бы Ловчего поломать. Кстати, как это ты с ним справился? Мне о таком и слышать раньше не доводилось.

Я пожал уже в который раз плечами, попытался что-то прохрипеть в ответ, но, плюнув на это якобы бесполезное дело, показал жестами: кинжал, взмахи рукой, разбитый глаз и падающая на камни зубастая пасть питона. Как это было ни странно, но альбинос от моего пересказа обрадовался, как ребенок:

– Так им и надо! Пусть теперь техники с ремонтом Ловчего возятся, чем тут по уровням шастать да всякую крамолу высматривать.

Поняв, что мне явно сочувствуют, я грустно вздохнул, а потом постучал себе ребром ладони по шее. Мол, достанется мне за это так, что как бы без головы не остаться. Театр одного актера прошел на ура, мой друг, мэтр клоунады, мной бы гордился. Тогда как мой собеседник от сочувствия перешел к утешению:

– Да не заморачивайся ты так! Наш поставной – добрейший дядька. А с бароном Фэйфом он ладит и умеет договориться. Так что если ему понравишься, то он тебя в обиду не даст и большого наказания не назначит. Да и для определения тебя в смертники твой поступок не тянет, ведь не гауза же ты убил.

«Вон оно! – Внутренне я весь так и напрягся. – Так здесь еще и гаузы бывают?! Как же они выглядят и что это такое? Может, те великаны и есть гаузы? Или это

какие-то религиозные святыни?»

Но задавать подобные вопросы было бы ну очень неосмотрительно, тем более что некий «поставной», видимо, немалая шишка в местном раскладе, раз он даже грозного барона не боится.

Но процесс знакомства и взаимопонимания следовало ускорить. Растирая одной рукой якобы сильно саднящее горло, я второй рукой ударил себя в грудь и прохрипел:

– Миха!

Называться другим именем, тем более совершенно новым, я не мог. Вдруг именно по именам в дальнейшем мы сможем с Леней и Шаайлой разыскать друг друга? Если друг еще сообразит, как меня отыскать, то уж бедная девушка, оказавшаяся одна в чужом мире…

«Странно! Чего это меня на жалость к ней пробивать начало? – возмутился я мысленно. – Она со своими ведьмовскими чудесами тут за сутки такого шороху наведет, что нам с Ленькой и не снилось! Свою ведьмовскую шкурку под топор не положит».

Тем временем и мой новый знакомый представился по полному титулу:

– В нашем секторе я старшина дозорных и исполнителей. И зовут меня Борей.

Ха! Да он же мой тезка! Непроизвольную улыбку на лице вовремя погасить не удалось, что Борея не на шутку заинтересовало:

– Чего это ты лыбишься?

– Отец мой… тоже, – прохрипел я, укоряя себя за несдержанность.

– А-а-а! – совсем иным тоном продолжил альбинос. – Наше имя редкое, потому я и удивился. – Мое довольное мыканье и кивание его обрадовали еще больше. Осмотрев меня с ног до головы, он предложил: – Ну что, отправляемся к поставному?

Как будто у меня был выбор! Но и за это дружеское расположение я показал, что буду очень благодарен, всей возможной для этого мимикой. Расшифровывалась она примерно так: «Да я за вами – хоть на край света! Только прикажите! Только уж словцо за меня перед большим начальником замолвить не забудете? Да и знать бы интересно, какие мне наказания лютые грозят?»

Наверное, становлюсь великим артистом: Борей все понял, потому как ничего не переспросил и, двинувшись впереди меня, стал инструктировать с барской снисходительностью:

– Ты, главное, у поставного веди себя вежливо, вид держи покаянный, вину свою признавай и не вздумай выкручиваться. Если ты ему понравишься, то самое страшное – отправку в твой город – он может отменить. – Услышав мое недоуменное «мм?», старшина дозорных и исполнителей несколько насмешливо фыркнул: – Если ты сбежал от насильственной женитьбы, то тебя там и кастрировать могут или отдадут в городской бордель. А то ты сам не знаешь? Так что уж лучше у нас остаться, тем более если мечом орудовать можешь. Нам воины всегда нужны.

Несколько в голове не укладывалось наличие электричества и такие механические монстры, как Ловчий, с понятиями «меч» и «воин». Ни единого кусочка металла не было и на великанах, в смысле из оружия. На местных – тоже. Мы прошли три коридора по всей длине и поднялись на два лестничных пролета, но ни на одном из встреченных пяти мужчин ни ножа, ни тем более меча не заметил. Как и формы или доспехов. Скорее все ходили в некоем подобии грубой рабочей робы нескольких модификаций и оттенков. Кстати, идущие навстречу приветствовали старшину точно таким же жестом, как в мире Трех Щитов, и это меня порадовало: «Много общего, очень много. Да и язык почти одинаков. Кто же это так все миры перепутал и людей в них? Вернее, почему это на Земле так много различных языков?» Вопрос не в тему. Мы уже подходили к довольно роскошной, обитой мягким материалом двери.

– Смотри на меня и во всем поддакивай, – предупредил Борей и потянул дверь на себя.

Внутренняя обстановка комнаты меня не просто удивила: натуральный офис какого-то крупнейшего банкира мирового масштаба. Разве что ни единого компонента оргтехники в виде компьютеров, ксероксов и множительной

аппаратуры. Несколько ламп на потолке и на стенах, несколько бра в разных местах, удобные мягкие кресла, ворсистый ковер на полу и некие полотна художников-абстракционистов на стенах. За одним из столов восседала (иначе не скажешь) расфуфыренная, вся из себя красавица лет двадцати пяти. Ноги она закинула на стол, в нашу сторону даже не покосилась, а руки, вернее, ногти пальчиков полировала пилочкой. Точь-в-точь такими пользуются все уважающие себя модницы на Земле!..

Сразу несколько напрягло наличие в огромном офисе именно женщины, хотя совсем недавно мой новый знакомый утверждал, что местный начальник «мужик». Ну тут ведь могло оказаться, что нужный нам начальник просто вышел на минутку, а это либо секретарша, либо…

Мои терзания на эту тему прервал заискивающий голос Борея:

– Ксана, здравствуй! Можно?

Так на нас и не взглянув, красавица покрутила пальцами, скрупулезно осматривая ногти, и только потом ответила, словно половиной царства наградила:

– Заходи!

Прикрыв за собой плотно дверь, мы прошли метра три и опять замерли в позе просящих эмбрионов (я ведь во всем старался скопировать старшину):

– Ксана, нам бы увидеться с поставным. А?

«Что за маразм? – поражался я мысленно, наблюдая эту картину. – Так это не секретарша, а еще более вышестоящее начальство? Или у них тут жесточайший матриархат? Ведь недаром мужиков женят без их согласия».

Поняв, что проситель не один, фифа взглянула на нас и взмахнула ресницами.

– Кто такой?

– Да только недавно поймали. Беглый из города. Тот самый, что Ловчего поломал.

– Ух ты! – Всю вальяжность и высокомерность с женщины как сквозняком сдуло. Она даже села нормально, рассматривая меня как диковинного зверя. – А почему он сам молчит?

– При падении о воду сильно ударился, гортань повредил.

Я на все это кивал, словно механический болванчик. А уж женщина присматривалась ко мне с таким недоверием, словно засомневалась, что видит перед собой мужчину.

– Он? Такой недоросток? Повредил Ловчего? Да быть такого не может! Сморчок он какой-то недоделанный!

Вид у меня и в самом деле был непрезентабельный: помятая мокрая одежда, слипшиеся, спутанные волосы и раздувающийся краснотой синяк на пол-личика. В совокупности эти детали могли бы напугать и не такую мадам или вызвать у нее брезгливость. Кажется, она оказалась не из пугливых, потому что сморщила носик и вновь откинулась на спинку кресла, задирая свои соблазнительные ножки на стол. Я явственно расслышал, как стоящий со мной мужчина непроизвольно сглотнул слюнки. Ну это понятно, на такой знойной женщине и я не отказался бы поставить пробу, несмотря на нашу некую разницу в возрасте.

– Так это… можно к поставному? – унижался старшина.

Ксана оглядела нас еще раз с ног до головы и только после этого соизволила непосредственно своей ножкой нажать на столе нечто, нам не видимое. Из динамиков послышался вопросительный рык, и девица доложила:

– Тут к тебе Борей какого-то синяка привел. Но вот вид у…

– Пусть зайдут! – последовал грубый приказ, расставивший все на свои места.

«Партизаны на луне! Значит, она таки секретарша и матриархата пока не наблюдается. Но вот переговорные устройства на высшем уровне».

На дальней стене в сторону отъехала панель высотой метра в четыре с половиной, и мой сопровождающий поспешил туда. Уже почти проследовав за ним, я оглянулся на глазеющую нам вслед фифу и не удержался: послал ей воздушный поцелуй. Боюсь ошибиться, но, кажется, она взвизгнула от возмущения. М-да! Слишком уж тут секретарши разбалованные, не иначе! Или она просто исключение?

Второй кабинет отличался более простой, можно сказать, спартанской обстановкой. Хотя и здесь потолки достигали шести метров. Видимо, любой из великанов, а также тот самый барон, инспекцией которого они угрожали, обязаны были чувствовать себя при посещении подземных пространств вольготно и не страдать клаустрофобией.

А вот хозяин кабинета поражал сам собой. И становилось непонятно, как с таким можно вести себя неуважительно или просто оспорить его хоть одно слово. Стала понятна и некая робость секретарши к своему боссу: как она там себя ни мнила секс-бомбой и как бы ни пыталась крутить этим мужчиной, подспудно она всегда понимала: стоит ему только хлопнуть ладонями ей по ушам – и судьба моли-однодневки покажется раем.

Поставной оказался детиной ростом не менее двух с половиной метров. Как только мы остановились недалеко от его стола, он встал с кресла, подошел ко мне вплотную и стал бесцеремонно осматривать. А я с отвисшей челюстью взирал на него и пытался сообразить: «Те великаны наверху гораздо огромнее и страшнее этого явно человека. Но в то же время они мне показались какими-то ненастоящими, игрушечными, что ли. А этот! У-у-у! Мастодонт! Недаром он у них тут сектором заведует. Или чем еще? Уж моей судьбой в данный момент точно распоряжается!»

Последнее воспоминание заставило меня несколько прикрыть рот и выпрямить ссутуленную спину. Гигант недоверчиво поморщился, вернулся за стол и, только плюхнувшись на кресло, потребовал:

– Рассказывай!

С хрипами и кашлем я из себя выдавил:

– Миха звать меня.

– Чего это он? – поразился местный начальник, уже в упор глядя на старшину.

Кажется, Борей боялся поставного раз в пять меньше, чем его секретаршу. Потому что отвечал легко и с юмором:

– Да не повезло ему, Сергий. Бедняга не успел сгруппироваться перед падением в «холодняк». Очумел, радуясь намечающемуся купанию. Вот его гортань водой и забило. Как я понял, его еще до отправки к нам и Ловчий придавил чуть не до смерти, да и «верхние» его потрясли от всей души, напоследок бросив в трубу вниз головой. А питона он кинжалом упокоил, раздробил глаз, у того монстра что-то и замкнуло в системе. Выглядит справным и вроде как от звания «воин» не отказывается.

Главный босс сектора, с таким приятным по звучанию именем Сергий, задумался, поглаживая массивную челюсть, а я все никак не мог понять: «Что они меня все в воины пытаются сосватать? Оружие никто не носит, даже декоративного на стенах не видно. Уж не процветают ли здесь бои гладиаторов? Никогда не мечтал проливать свою кровь на арене на потеху полоумной публике. Только этого мне не хватало!»

– Откуда у тебя кинжал?

На этот вопрос пришлось отвечать самому:

– Отец… подарок… древний…

Но кажется, поставного это только обрадовало.

– Вот видишь! Вернем тебя домой, твоему отцу тоже не поздоровится. За припрятанное оружие могут и руку отсечь. Кстати, из какого ты города?

В мыслях неожиданно крутнулась песенка «Вот и расстались». Только у меня на прежний мотив появились новые слова: «Вот и приплыли, вот и приплыли мы сюда!..»

Знать бы еще, откуда приплыли?! Одна надежда на артистизм и осталась.

– Пшлотварш, – выдало мое окончательно осипшее горло.

– Плоареш? – уточнил начальник, и я, словно кидаясь в омут, печально кивнул. И не прогадал. – Как ты сумел сюда добраться?

Язык жестов показал прекрасно: «Днем отсыпался в вентиляционных башенках, ночью бежал» – спасибо за услышанную от великанов подсказку.

– Как же тебя настолько далеко занесло? И почему в лесах не остался?

«О! Да тут и леса есть! – обрадовался я. – И прочие места для отсидок. Мне, главное, освоиться, а потом меня тут и на цепях не удержат!»

Ну а вслух прохрипел:

– Леса… – И жест: «Не нравится мне там!» – О-о! – И жест ладонями вокруг: «А здесь в сто раз лучше!»

– Да его в том Плоареше женить на ком-то собрались, – влез по-простецки старшина. – Вон он, болезный, и сбежал куда подальше. А чего такому орлу в лесах делать? Пропадет ведь от дикой жизни. Зато здесь может и удаль показать.

Он даже подмигнул своему непосредственному начальнику, и тот воспринял это как подсказку надавить на меня:

– Так ты воин или нет? Отвечай!

«Вот им далось это желание меня в гладиаторы определить! – запаниковал я, пытаясь лихорадочно сообразить, как можно выкрутиться из создавшегося положения. – Кажется, у них только воины могут иметь оружие, и, таким образом, это поможет мне и от страшного наказания спастись, и в данном секторе остаться. В этот гребаный Плоареш уж точно не отправят. Но с другой стороны, выходить на арену гладиатором – только через мой труп! Ну а кто еще может оружие носить у них? Эх, знать бы заранее! Вон в Рушатроне все могли носить, даже художники специальный кортик при себе таскали. Художник!»

Конечно, я мог и ошибаться, но ведь всегда можно будет что-то прошипеть типа: «А в моем городе все живописцы имеют традицию прятать кинжал за пазухой!» Захотят доказать и уличить – мало не покажется, но чем не попытка?

Поэтому я встал в горделивую позу, помахал перед собой ладошкой, словно с кистью, и прохрипел:

– Художник.

Стоило видеть, как глаза Сергия алчно и угрожающе заблестели. Мне показалось, что он сейчас вскочит на ноги и одним ударом отправит меня к праотцам.

Но он только прошипел сквозь сжатые зубы:

– Ну вот, ты и попался!

Глава вторая

Житие аборигенов

По одной и той же тропе порой может пройти несколько человек, и результат их движения окажется совсем разным. Первый отыщет пять грибов, второй – ни одного. Третий насобирает десяток грибов, а четвертый… сломает ногу.

Вот так случается. Каждому свое. Хотя и правда сермяжная в том имеется: кто как обучен и насколько старается, тот того и добивается.

Леонид Найденов, он же барон Лев Копперфилд, он же помощник мастера-оружейника Чарли Эдисона, обучен был многому, и весьма неплохо. Особенно физической подготовкой мог похвастаться, потому как в бытность мэтром циркового манежа ему приходилось и акробатикой заниматься, и силовыми трюками хвастаться, и невероятную ловкость рук демонстрировать. Ну а уж про все тайны переходов, значки и контрфорсы он получил максимум информации от своего друга и боевого товарища Бориса Ивлаева. Естественно, ту информацию,

которая была доступна самому первопроходцу между мирами.

Поэтому Леня не стал слишком расстраиваться, обнаружив себя в узком, сооруженном из гранитных блоков, вытяжном колодце. Как не стал в панике возвращаться назад, не дождавшись следом за собой ни вашшуны, ни Бориса. Понимал: скорее всего, те попали в иные три варианта переходов и сейчас в этом же мире, но в других местах. Ну а назад возвращаться сейчас и в ближайшие дни – смертельно опасно. Обозленные до бешенства зроаки будут скалы рыть носом в поисках как своих невероятных обидчиков, так и при поиске страшного для себя оружия. Наверняка людоедам будет плевать на вырвавшихся из котла окружения наемников и поселенцев, наверняка они не станут их преследовать после кровавого рейда по своим тылам, но вот убийц императора, уничтожителей двух огромных группировок, обладателей таинственного оружия они просто обязаны будут искать, искать, искать… пока не издохнут.

Поэтому следовало сразу настроиться на весьма долгое пребывание как в этом колодце, так и в этом мире. Вентиляционную щель в колодец из подвала, а также со следующего этажа он осмотрел, ступеньку со значком – тоже, а потом стал располагаться. В отличие от Бориса он не решился выходить из башенки наружу и куда-то путешествовать, хотя наверх благодаря своей ловкости взобрался и осмотрелся. Увиденный лес дымоходов ему не понравился, как и расположенный в пределе видимости, примерно в одном километре, срез широченного вулкана. На верхнем краю этого вулкана он заметил какие-то массивные человеческие фигурки, но вот идти к ним с распростертыми объятиями не торопился. Решил вначале собрать максимально возможное количество информации.

Для такого дела у него имелось с собой все. Ну или почти все. И главное, полная фляга с водой, которой при очень экономном использовании суток на трое в любом случае хватит. Продуктов питания оставалось еще больше. Ну и технических устройств хватало, как и мотка жесткой, упругой проволоки. По благоприятному стечению обстоятельств у Леонида и переговорные устройства имелись, и видеокамера, и малый ноутбук, и оба диктофона с добавочными портами USB. А уж как это все приладить да пустить в дело, мудрить не приходилось. Для подобных дел не следовало быть академиком или профессором института кибернетики.

Конечно, если очень напрягать слух, то из определенных воздуховодов можно было расслышать некоторые слова без всяких приспособлений. Но так ведь даже не догадаешься, о чем идет речь внизу, а не то что выяснишь устройство этого мира и взаимоотношения в нем. Да и не станешь мотаться между щелями туда-сюда, улавливая эхом доносящиеся и сильно искажаемые поворотом воздуховода разговоры. И, как это ни странно, для наладки и закрепления всех устройств пришлось больше поработать именно физически, а не умственно.

Самым главным дефицитом оказалась жесткая проволока. Вернее, ее недостаточная длина. Ведь каждая щель уходила в глубину постройки на три метра, а потом под углом в девяносто градусов ныряла вниз. Там тоже до открытого пространства помещения расстояние получалось около полуметра. То есть странные обитатели подземного города при всем своем желании не смогли бы снизу заглянуть в колодец непосредственным взглядом. И уж проволоку с прикрепленной к ней видеокамерой пришлось так хитро выкручивать и удерживать засунутой в щель рукой, что только и выручала сноровка циркового акробата.

Мало того, вначале Леонид сильно опасался спонтанного переброса обратно в мир Трех Щитов. Ведь следовало и подвал осмотреть, в котором тоже иногда голоса раздавались и откуда неслись запахи странной, слежавшейся пыли. Но переход не действовал, если человек бочком сползал по стенке вниз, оставляя свои ноги ступенькой выше. Кстати, подвал не вызвал особого интереса: склад старых вещей, стеллажи с книгами и наполовину разломанная мебель. Все это освещалось редкими, несколько странными на вид, но явно электрическими лампочками. И в первом просмотре удалось засечь двух мальчуганов, которые перебирали во внушительном ящике детские игрушки. По всей логике, один был там хозяином, а второй его гостем, потому что несколько раз восторженно восклицал:

– Как у тебя тут здорово! И столько всего интересного! А у нас в подвале прачечная.

– Ничего, – покровительственно подбадривал товарища хозяин. – Теперь будешь ко мне все время приходить и играть.

– Если отпустят. Тебе, Маняла, хорошо, можешь дружить с кем хочешь.

На это утверждение Маняла грустно вздохнул:

– Как же! Мне вон даже с тобой со скрипом разрешили общаться.

– Это из-за нашей простой жизни, – рассуждал вполне логично гость. – Вы вон какие богатые.

– Ха! Ты только прикинь, сколько людей в городе богаче, чем мы! И не посчитаешь!.. Ладно, давай играть в сражения!

И ребятня, которой на вид было лет по десять-одиннадцать, перевернула коробку на пол. После чего принялась доставать из кучи некое подобие фигурок и расставлять их для игры. Вряд ли здесь можно было прослушать что-то интересное, а уж тем более просмотреть. Но все равно Леонид оставил на самом ребре воздуховода диктофон: порой и в детских разговорах можно уловить весьма важные, интересные детали быта.

Обнадеживало и то, что в доме родителей Манялы, скорее всего, проживали люди как минимум среднего достатка. А у таких и разговоры наверняка ведутся более возвышенные да интересные, чем только про цены на рынке или о проблемах покупки новой обуви для детей. Хотя чуть позже выяснилось, что система воздуховодов позволяет проводить вентиляцию помещений с четырех сторон, и на каждой из них, порой занимая только два этажа, проживает отдельное семейство. В этом плане частная собственность родителей Манялы поражала: ряды отдушин с двух сторон, от подвала до чердака. То есть огромный подземный дом принадлежал одним хозяевам.

Единственное, в чем не повезло гостю из иного мира, – это то, что данный колодец оказался закольцован в основном на подсобные помещения. Как то: подвалы, кладовки, кухни, туалеты, и в таких помещениях, кроме кухни конечно, ничего важного или толкового вообще не услышишь. Да и то кухня кухне – рознь. В одной – что-то готовила, напевая себе под нос, угрюмая тетка. Там даже слов песни разобрать не удалось. Во второй – некие личности явно уголовного вида пытались накачаться неким заменителем местного самогона. В их разговорах только и слышались угрозы какому-то Косому, который явно перешел дорогу и сильно насолил данной группе товарищей. Да и через несколько часов пустопорожние угрозы перешли в банальное во всех мирах «Ты меня уважаешь?». Самое пикантное, что в том воздуховоде возле боковой стеночки

лежали три солидных кожаных мешочка. Даже по внешнему виду можно было понять, что в них: то ли заначка хозяина на черный день, то ли «общак» данной группы уголовников. Трогать пока мешочки не стоило, ведь тот, кто спрятал, может и по два раза на день засовывать руку в вентиляцию и проверять наличие денежек. Ну и понятно стало, что изнутри помещения, просунув руку, можно легко достать припрятанные там предметы или наткнуться на оставленный диктофон. Пришлось его при установках отодвигать чуть дальше от края излома вентиляции.

В третьей кухне молодая мамаша постоянно возилась с младенцем, тот плакал, а детский плач заставлял грустить талантливого клоуна больше всего, поэтому там он больше и не подслушивал.

Самая большая, просторная кухня оказалась в едином доме, примыкающем к двум сторонам колодца. Там люди роились, как пчелы на пасеке, и порой собиралось одновременно человек до пятнадцати, если считать вместе с пятью работниками ножа и сковородки. И там не то что подслушивать, там и подсматривать, пусть даже частично, было весьма интересно. А частично – по той причине, что следовало опасаться неожиданного взгляда на потолок: вдруг заметят? Вроде как электрические лампы светили вниз, тем самым немного заслепляя с потолка, высота до которого от пола была метров шесть, но все равно кто-то мог бы присмотреться. Так что камера на проволоке опускалась из щели только в редких случаях, когда уж очень хотелось рассмотреть говорящего или новый персонаж.

Изначально пришлось решить задачу: каким образом закрепиться на третьем уровне вентиляционных каналов? Тут невероятно помогла пика-метатель и тот факт, что сделано это оружие из тяжеловатой, но прочной доски. Леонид засунул концы этой доски в противоположные отверстия и порой даже умудрялся возлежать на ней, прислушиваясь, присматриваясь и анализируя информацию.

Но в первый день ничего, кроме общего знакомства с местными жителями да поверхностных сведений о кулинарии, почерпнуть не удалось.

Следующим утром, вместо физзарядки выбравшись наверх и осмотревшись осторожно из отверстия, Леонид вернулся к облюбованному насесту и продолжил свою шпионскую деятельность. Ну и можно сказать, что с первого часа ему стало везти. Работавшие вовсю повара, в количестве пяти особей,

затеяли между собой нешуточный спор на тему грядущего через несколько дней традиционного конкурса по кулинарии.

«Ого! Да они тут живут самой что ни на есть полнокровной жизнью! – удивлялся иномирский шпион. – Не удивлюсь, если они и конкурсы “Мисс Вселенная” ежемесячно организуют».

Старшая повариха, на удивление и против устоявшихся традиций стройная, подтянутая женщина, с расстроенными интонациями восклицала:

– Если бы барон отпустил со мной двоих! Что я с одним успею за три часа сотворить? Только позор на свою и на нашу голову!

Вот ее помощники (одна девушка и три молодых парня) и спорили, кого именно ей взять с собой из них и какие именно блюда следует приготовить на конкурс. Попутно кто-то из остальной прислуги врывался в кухню, что-то брал, уносил, приносил и довольно часто вмешивался в ведущийся спор. Как советами, так и подначками.

– Почему это барон двоих тебе не дает? – удивлялся некто, видимо не самый последний в табели о рангах. – Чай, за несколько часов от голода не помрем. А может, и здоровее только станем.

– Вот ты бы на ушко господину и нашептал, пусть он помягче с нами обращается, – фыркнула шеф-повар. – А то ведь и уйти могу, меня вот к зуаву Сегедскому давно зовут.

– Сегедский? Там ведь нищета и платят меньше!

– Зато уважают, и не надо так тяжело и круглосуточно работать! – озлобленно возражала главный кулинар. – Да и почета не в сравнение больше. А нищета там только внешне, там не дом, а полная чаша.

– Да ладно тебе на меня-то кричать. Постараюсь с бароном переговорить.

– Только не забывай, что у нас тут на следующий день после конкурса банкет намечен.

– А-а-а! И с чего вдруг?

– Ну ты, пьяница старый! Годовщина свадьбы барона, вся, почитай, родня припрется с поздравлениями и подарками. Он именно поэтому не хочет нас троих отпускать, что боится: мы не справимся с готовкой обеда на следующий день.

– Точно!

Склерозный старикан убыл, а профессионалы от кулинарии продолжили обсуждать самое перспективное блюдо.

И что удалось мэтру заметить, даже он, не обладающий высокой профессией повара, поразился бедности выбора и скудности фантазий: «Да это не конкурс будет, а издевательство над членами жюри! Что за бледное воображение у них? Наверняка сказывается этакое затворничество под землей, ведь, живи они на открытых пространствах, сама природа подсказывает массу удивительных вариантов и смесей. – Он непроизвольно взглянул на пятнышко света далеко над головой. – Еще бы разобраться, почему они на поверхности не живут. У окошек, что ли, поторчать?»

Пока ни слова он ни о кречах, ни о каких драконах или банальных кислотных дождях не услышал. Дикие осы или злобные крысы с ядовитыми зубами тоже вряд ли здесь существуют, иначе давно бы свили себе гнезда в таких удобных для этого воздуховодах. Хотя почему-то, после рассмотрения страшной, безжизненной почвы между башенками-колодцами, землянин был уверен: виной всему именно ядовитые осадки. Да и остов не то вулкана, не то открытого карьера подталкивал к мысли, что обитатели здешнего мира перестарались с какими-то вредными производствами.

Ну и словно по заказу, дальнейшие разговоры как раз и пошли на интересующую тему. Вначале в кухню заскочила служанка, обслуживающая самого барона за столом и наверняка наиболее проинформированный человек в доме.

– Кувшин сока и графин охлажденного компота! – распорядилась она и, пока ей это доставали из громоздкого холодильника, поделилась коротко новостями: – Валухи все с поверхности сбежали. Что-то у гаузов случилось, так и мечутся над сектором.

Она убежала, и в кухне какое-то время стояла тишина, нарушаемая лишь короткими командами. Леонид уже пожалел, что не рванул наверх к окошкам, дабы рассмотреть этих таинственных гаузов, как шеф-повар первой начала обсуждение на больную для всех тему:

– Опять эти «кошмарики» что-то задумали. Хоть бы никого не забрали.

– Ну не всегда ж они кого-то забирают, – скорее всего, сам себя успокаивал ее молодой помощник. – Почитай, два лутеня никто из сектора не пропал, только умерших и уносили.

– Зато когда в последний раз живых забирали, считай, сразу шестерых не стало! – с яростью возразила ему девушка. – Вон соседка наша до сих пор по сыну убивается. И какой парень был!

Ее коллега заунывным голосом подтвердил:

– Весельчак и добрый. – И не совсем в тему добавил: – Все мечтал хотя бы одного гауза убить, тренировался.

– Вот и домечтался, придурок! – зло оборвала его главная на кухне. – А остальные пятеро, скорее всего, тоже подобные глупые разговоры вели. Вот их и не стало. Глупая молодежь…

– Так что, нам теперь тоже в рабстве умирать?! – чуть ли не истерила девушка. – Родились рабами, живем рабами, и только после смерти наши окоченевшие тела попадают на поверхность и сжигаются неизвестно где! Так что, и дальше оставаться трусливыми тараканами? Как все наши предки?! Как вы все?! Так и подохнем все, не побывав под лучами Ласоча?! Не хочу!

Наблюдатель сам непроизвольно скривился, когда резко шагнувшая к помощнице шеф-повар нанесла ей хлесткую пощечину:

– Заткнись! И больше не открывай рот для подобных вопросов! И не только потому, что здешние стены имеют уши… – От греха подальше, заметив, как все стали осматриваться, Леонид приподнял камеру наблюдения в щель. – А потому, что так и помрешь глупой девственницей, не родив детей и не познав счастья в

любви. И что там под тем Ласочем хорошего? Что стало с теми, кто сбегал в леса? Сама прекрасно знаешь! Мало кто из них детей на той свободе имел. А если возвращался в города слишком поздно, то и тут уже не мог иметь.

Она еще несколько минут ожесточенно отчитывала молодежь, которая только и пытается кричать «Долой рабство!», но которая даже не понимает, как прожить без этого рабства. По ее словам и вполне рациональным рассуждениям, получалось, что неведомые гаузы, которых и она вместе со всеми все-таки называла «кошмариками», скорее сохраняют человеческую цивилизацию, оберегают ее от лучей Ласоча и дисциплинируют отношения между людьми в сторону справедливости и повышения уровня жизни.

Тогда как Леонид успевал еще и хороводы собственных мыслей упорядочить: «Получается, что лучи местного светила достаточно радиоактивны, чтобы лишить репродуктивности местное население. Так что с подземным проживанием все понятно. Но что это за леса такие? И почему где-то там что-то растет, а здесь и травинки не видно? Еще бы узнать, кто такие валухи, и взглянуть на этих гаузов. Если последние окажутся сродни кречей, то я понимаю желание любого парня убить такой “кошмарик”. Но с другой стороны, если тут в рабстве целый народ, а то и цивилизация, то почему они и в самом деле не борются на свою независимость? Или их поработители и в эти дома легко могут залететь? Недаром ведь такие потолки высокие и двери огромные. М-да, интересный мирок».

Главная повариха тем временем все продолжала поучать и воспитывать молодежь. Привела достойные примеры того, что в глубокой древности, когда ни гаузов, ни валухов в этом мире не существовало, люди воевали между собой и в войнах уничтожали столько народу, что некоторые подземные города вообще остались пустыми. Сейчас же всякие войны запрещены, население растет, и пустых, заброшенных домов становится все меньше и меньше. Питание стало несравненно лучше, появилось электричество и множество полезных бытовых приборов. Развиваются искусства: литература, живопись, балет, танцы, театр. Совершенствуются науки. Устраиваются праздники с конкурсами и спортивными соревнованиями. Так что какая разница, как к тебе обращаются валухи: «раб» или «господин». Великаны поставлены охранять установленный порядок, и они это делают, как им приказано. И не их вина, что некоторые глупые мальчишки позволяют себе вынашивать идеи убийства гаузов, а то иногда и воплощают подобные идеи в жизнь. Родители тоже порой наказывают балованных детей, заставляют их учиться и правильно жить в обществе, но ведь дети при этом не

становятся ненавистниками своих матерей и отцов.

Один из помощников, пожалуй самый степенный и рассудительный из парней, все-таки попробовал возражать своей начальнице:

– Такие сравнения тоже нельзя приводить. Родители – это одно. Они нас любят, и они едины с нами во всем. Тогда как чуждые «кошмарики» – это воплощение зла и насилия для большинства людей. Да и нас они заставляют работать для их блага, обкрадывая наш мир и делая его нищим.

– Где это и у кого ты наслушался таких бредовых мыслей? – можно сказать, что испугалась шеф-повар. – Это же надо до такого додуматься: «обкрадывают»! Даже ребенок знает, что груан – это как раз те самые вредные скопления от нашего Ласоча, которые только мешают нашему миру. Гаузы используют груан для своих устройств, он для них невероятно ценен.

– Тогда почему они сами груан не собирают и не воюют с подземными тварями?

Женщина на это криво улыбнулась.

– Так и нас никто не заставляет. Любой желающий спускается вниз добровольно. Остальных туда скидывают в наказание за преступления. Потом поставные сдают груан валухам, и мы за это получаем все блага цивилизации.

– Все равно оставаясь при этом рабами, – зациклился на своем парень.

Но его соперница в диспуте оказалась на удивление грамотно подкована в политическом плане:

– Значит, не заслужили считаться свободными. Вот когда докажем свою сознательную мудрость, тогда и заберут от нас валухов. Ведь это уже давно обещано. И даже конкретные правила для определения нашей мудрости составлены. Если ты о них не знаешь, то я тебя после обеда специально отпущу на беседу со старшиной нашей улицы. Если и он тебе не поможет, тогда к старшине сектора сама отведу.

Похоже, такая угроза была более чем нешуточная, потому что парень зачастил ножом по разделочной доске и больше ни словом не обмолвился о несчастной доле своего народа. Молчали и все остальные. И только через некоторое время в кухню ввалились еще две женщины, которые оказались личными швеями барона, лучшими подругами шеф-повара и родными тетками той самой, получившей пощечину девушки. Но молодая повариха с ними только скромно поздоровалась, не поворачиваясь красной щекой, тогда как швеи, получив от подруги на столик сбоку от двери вазу печенья и кувшин напитка, принялись, словно сороки, обсуждать фасоны изготавливаемых платьев.

Они и вчера болтали о чем-то подобном больше часа, так что Леонид решил не терять даром время, мотнулся наверх. Уж больно ему хотелось посмотреть хоть издалека, как эти гаузы выглядят. Посмотрел. Чуть не поплохело после этого.

Ему оставалось метра два до окошек, когда сквозь гул обдувающего тело сквозняка услышал странный шелест, скрип, а потом и свет наверху убавился вдвое. Словно кто-то заглядывал внутрь колодца. Памятуя о высоте шести метров над грунтом и об утверждении, что «кошмарики» летают, землянин сразу заподозрил именно поработителей данного мира. Хотя не мог понять, почему не слышно специфических хлопков крыльев. Уж заглянуть в планировании кречи или им подобные летуны никак бы не смогли.

Вначале было страшно лезть дальше, но любопытство пересилило. Хотя выглядывать Леонид старался с максимальными предосторожностями. Вот тогда ему и поплохело: между башенками деловито ползал гигантский питон с громадной пастью и заглядывал в каждое оконце! А его многометровое тело так и волочилось следом уродливой, поблескивающей металлом колбасой.

«Если это гауз, да он еще и летает, – думал землянин, стараясь от дрожи по всему телу не свалиться вниз, – то я сам готов добровольно идти хоть в бездну за тем груаном, лишь бы никогда больше не видеть эти ужасные зубы! Или это валух? Да нет, те вроде как куда-то попрятались».

Кое-как успокоившись, решил еще раз осмотреться. Тем более что питон уже скрылся за лесом окружающих башенок и заглянуть именно сюда в данный момент вроде как не мог. Зато теперь можно было и в сторону вулкана посмотреть. И вот там уже явно кто-то летал!

Внешне это напоминало наполовину спущенные, деформирующиеся при смене курса шары из сморщенной, покрытой пупырышками резины. Метра три в диаметре, они довольно лихо носились как над вулканом, там и над вытяжными колодцами. Создавалось впечатление, словно они что-то ищут на поверхности.

«Или голодные, или кто-то сбежал, или у них тут какая-то система тревоги сработала, – озабоченно размышлял Леонид, опускаясь вниз. – Ведь недаром этот питон откуда-то взялся и в окошки стал заглядывать. И если гаузы умеют перемещаться между мирами, то не удивлюсь, если у них есть некие приборы, фиксирующие эти перемещения. Вдруг так получилось, что мы оказались здесь и тем самым подняли тревогу? Мало того, вдруг Борю или Шаайлу уже поймали? А то и обоих? Лучше всего мне было бы сейчас находиться в городе и расспрашивать у людей конкретно, но как туда попасть?»

Да и нормально адаптироваться, незаметно влиться в среду горожан было бы нереально. Слишком мало до сих пор сведений о городе, следовало их собирать, накапливать дальше. Иначе ни себе, ни товарищам помочь не получится. А о возвращении в мир Трех Щитов в ближайшие дни и думать нечего.

Так что самыми актуальными были сведения. Ну и вода, пожалуй. Как ни редко прикасался гость из другого мира к своей фляге, она опустошалась с явно чрезмерной скоростью.

Разговор на основной кухне о платьях и фасонах продолжался с прежней интенсивностью и не думал прекращаться. Поэтому Леня поспешил к иным щелям, чтобы с помощью единственной у него имеющейся проволоки разложить оба диктофона. Ранним утром он их прослушал, но в предыдущих записях ничего особенного, кроме некоторых бытовых деталей, уловить не удалось. Но и то хлеб, чтобы понять жизнь иного мира – даже крошками брезговать не стоит. Опять установил диктофоны в позицию «Автопуск при звуке» над перспективной кухней людишек сомнительного криминального толка и небольшой семьи, в которой обычно на кухне и трапезничали. Ну а потом спустился к подвалу с камерой, думая еще раз быстренько глянуть на мальчуганов, потому что именно их голоса оттуда только и слышались.

Ребята на этот раз возжелали прямо на дому обучиться цирковой акробатике. По их словам, недавно они были в цирке, ну и сами старались доказать, что и они не хуже профессиональных артистов. Понятное дело, получалось у них ни шатко ни валко, но наблюдателя заинтересовал начавшийся во время кувырканий

разговор. Причем гость явно уважал и ценил мнение баронского сына, да и тот рассуждал довольно дельно. Ученое дите! Правда, при этом был не в силах сдерживать рвущуюся наружу романтику и непоколебимую веру в сказку:

– Точно тебе говорю: существуют домовые! Про них знаешь сколько книг написано? Сотни! И самое главное, что во всех утверждается: домовые, если к ним хорошо относиться и щедро подкармливать, всегда в ответ людям помогают.

– Чем же они помочь могут, Маняла? – вопрошал гость.

– Да во всем! Бывает, что потеряется в доме ценного, уже и подумают, что украли, а домовой и подскажет, куда колечко дорогое закатилось. Или порой подскажет, как от хвори плохой излечиться. Иногда может совет дать дельный по торговле.

Мальчики еще долго обсуждали как саму суть домовых, так и правила общения с ними, но для себя Леонид сразу продумал одну идею: грех, конечно, пользоваться детской наивностью, но почему бы не устроить себе маленькое пополнение в провизии? А тем более в воде? Сотворить такое на кухне, еще и со взрослыми обитателями дома, было бы крайне проблематично да и слишком самонадеянно, а вот с восторженными мальчуганами может получиться.

Но пока ситуация позволяла не торопиться, и одурачивание несовершеннолетнего Манялы было отложено на крайний случай.

Да и в баронской кухне подслушивать да временами подсматривать было намного интереснее. Швеи, может, и дальше бы отлынивали от работы да языками трепались, но в дом нагрянули нежданные гости: сам старшина всего сектора, а с ним двое исполнителей. Видно, последние были рангом пониже, и их за общий стол с бароном не усадили, но вот покормить помощников старшины хозяин распорядился. Так что наверх ускакала служанка с заставленным подносом, а на кухне за столиком у входа расположились двое мужчин среднего возраста.

Как оказалось, шеф-повар и с ними была прекрасно знакома и никакого смущения или робости не испытывала. Вначале она засыпала ехидными вопросами одного из них, интересуясь, не слишком ли ему в последний раз

досталось от супруги за поступки неблаговидные, а потом и ко второму исполнителю подступилась с вопросами:

– А что дочь твоя с учебой решила? У нас в Пловареше останется или куда в иную академию подаваться будет?

– Нечего ей по чужим городам, вдали от семьи самостоятельность проявлять, – буркнул мужчина. – Наша академия не хуже.

– Ха! Я ведь не твоего мнения спрашиваю, а как дочь сама решила? Тем более что парень ее вроде как себе иную девицу-избранницу отыскал.

– С чего ты взяла?

– Так об этом все кто хочет знают, твоя дочь из этого секрета не делала. Ведь недаром позавчера того парня из окна водой облила. Старая традиция.

Судя по тому, что все на кухне захихикали, в том числе второй исполнитель, девушка таким образом всему свету заявила о разрыве со своим бывшим поклонником. Тогда как строгий отец не в силах был скрыть досаду:

– И все-то вы знаете! Все-то вам обсудить хочется!.. А парень-то, может, ничего и не замышлял плохого! Может, просто прошел с другой девицей по улице, потому как по пути им было?

– Ох! Не смеши народ! И за грудь ее тоже при этом тискал как попутчицу? И ниже спины ей юбку оглаживал, как заботливый товарищ?

Теперь уже все рассмеялись. Хотя первым опять-таки заговорил именно отец решительной девушки:

– И все равно это не повод, чтобы в другой город уезжать. В Макильской академии точно такие же курсы и специальности. Зато требования к экзаменам строже вдвое.

Шеф-повар хихикала дольше всех, но выводы сделала бесспорные:

– Понятно. Значит, твоя отправляется в Макиль. Уж я-то ее настойчивость знаю. Только не пойму, чего ты такой недовольный и расстроенный? Ведь еще дома три сына и две дочери остаются! Скучать не придется. Будет кого воспитывать и по углам гонять.

– Если бы все только в скуке заключалось! – сердился мужчина, непроизвольно для себя ударяя кулачищем по столу. – А ну как дура эта выучится с отличием, да заберут ее в иные миры?! Потом только и увижу раз в год… – Голос его сорвался. – А она у меня любимица.

«А мир-то полон здесь чудес! – восклицал мысленно Леонид, стараясь ни одного слова не пропустить из разговора. – Академии тут у них, в которых рабыня может сама специальность выбирать. Да еще и лучших учеников в иные миры на практику гоняют… – И в голову землянина пришла присказка, придуманная его другом Борисом Ивлаевым: – Интересно цирк построен, шпилем вниз, манежем вверх!»

Глава третья

Встреча с реалиями

В тот момент я ничего о друзьях не знал и думал, что бы такое придумать для спасения собственной жизни. Уж больно страшен был взгляд поставного Сергия. Хорошо хоть я сразу не развернулся и бежать не бросился: ноги приросли, и мой доблестный щит ничем мне не помог. Помогла наблюдательность. Взгляд этого здоровенного мужика оказался направлен не прямо на меня, а куда-то в подпространство.

А тут еще и мой тезка уважительно похлопал по плечу:

– Ну если ты и в самом деле художник, то, считай, тебе повезло. Правда бы, еще знать, какой у тебя уровень мастерства?

– В каком смысле? – стал я немного успокаиваться, с хрипом выдавливая из себя уже длинные предложения. – И как в вашем городе художники делятся по

уровням?

– Как и везде: подмастерье, ученик, ученик-рисовальщик, младший мастер, мастер, заслуженный мастер, академик, заслуженный академик.

Некоторые слова он называл не так, как они мне переводились, но суть градации улавливалась. Пришлось спешно прикидывать, насколько обряд гипны и умение рисовать способствует тому же званию «академик». Что-то подсказывало, что еще о-го-го как соответствует, но лучше изначально занизить свой уровень, чем потом опростоволоситься.

– Обучался я у академика и вроде как хороший мастер.

Теперь уже и поставной поменял выражение лица на чисто дружеское покровительственное:

– Ты, парень, не переживай, если сможешь несколько портретов нарисовать за пару дней, получишь должность прямо в администрации сектора. Наказание вначале заменим административными работами, барону скажем, что ты сюда именно и мечтал убежать, а потом тебя и в ранг возведем. Там, глядишь, и оружие носить сможешь. Ну, как тебе такое предложение? Остаешься у нас или тебя в твой Пловареш отправить?

– Остаюсь! – интенсивно закивал я, не понимая, что это у них за жизнь такая и почему меня великаны рабом назвали. Правда, я немного опасался рисования портретов, все-таки после обряда гипны иную технику, чем набросок, опробовать не приходилось, а детские рисунки – не в счет. – Э-э-э… портреты?

– Праздник у нас через три дня, – в охотку стал пояснять Сергий. – Ну и мой главный противник – это поставной соседнего сектора. Каких он только нам каверз не устраивает в конкурсах, чтобы по общим показателям занять первое место на празднике. И последние годы у него художник появился, и один пункт мы даже наполовину никак преодолеть не можем. Если ты хотя бы не хуже нарисуешь, мы уже имеем прекрасный шанс на победу. Понял?

Я развел руками и кивнул. Мол, как не понять! Вот на этом моя аудиенция у местного начальства и закончилась, хотя само общение продолжилось. Дальше оба моих «благодетеля» чуть ли не под локти меня подхватили и поволокли к

выходу. Только и успел оглянуться на Ксану да заметить нескрываемое презрение высокомерной, разбалованной самки у нее на личике. Видимо, девица, не знавшая о сути нашего разговора, решила, что сразу на казнь тащат. Или куда тут у них и как?

Затем меня бодро провели по нескольким коридорам этого казенного здания, и мы оказались в довольно просторной комнатушке, уставленной четырьмя двухъярусными кроватями, несколькими мольбертами, рамами с полотнами и прочими принадлежностями, необходимыми живописцу. В правом крайнем углу имелась дверь высотой для человека, ведущая, как потом выяснилось, в каморку с душем и туалетом. По правой стене стоял большой стол. Чуть дальше за ним, в неправильном углу просматривалось пока непонятное мне окно или пролет, оттуда вроде что-то светилось. Одна кровать сразу налево за решеткой, вторая у стены слева, и две у противоположной от входа стены. С потолка свисали сразу три лампы довольно интенсивного дневного освещения. Меня только сильно смутило, что в комнатушку вела зарешеченная дверь с показательным амбарным замком на ней.

Да и старшина с ходу обрадовал:

– Это у нас тюрьма. Самое спокойное и тихое для работы место.

– Да-а? Раньше кто… р-р-работал?

– Так наш Сергий добрый, он даже смертникам давал шанс себя в рисовании проявить. Вдруг бы талант проснулся?

– О-о-о!

Дивные у них тут методы определения талантов.

– Понятное дело, – басил довольный поставной. – Получись у кого-нибудь чего, я бы ему пожизненную отсидку устроил или еще как отмазал. Негоже талантам погибать бездарно. – Видя, как я озадаченно подергал стойку кровати, он хмыкнул: – Да и тебе где наказание отбывать, как не в тюрьме?! Отсиживайся от неприятностей да любимым делом занимайся. Питание у тебя будет – не хуже, чем у меня, ты только рисуй.

После чего уселся на лавку у стены, сложил свои ручищи на груди и приготовился смотреть спектакль. Иначе и не объяснить эти его выпуклые глаза, следящие за каждым моим движением. Да и старшина, усаживаясь на единственный стул, уже на правах старого друга не приказывал, а эдак душевно советовал:

– Да ты не стесняйся, Миха, приступай к работе, мы только чуток посмотрим, успокоимся и пойдем! – Видно было, что душа у него переживала за предыдущие поражения родного сектора не меньше, чем у Сергия. – Главное, покажи нам хоть капельку своего мастерства.

Легко сказать, капельку! Как говорится: таланта полная кастрюля, да вот ложку бы еще к нему. Глядя на краски, я понял, что понятия зеленого не имею, как их смешивать, разводить и наносить. Хорошо хоть карандаши имелись, разные, еще и с разной грифельной начинкой. Полотна разных размеров уже были на рамках, часть даже загрунтована разными цветами. Причем и сомневаться не приходилось: подобные рисовальные принадлежности и все, что я вижу в этой тюремной мастерской, – не то что не средневековье и даже не двадцатый век по земным понятиям, а как минимум середина двадцать первого века. То ли местный начальник настолько сбрендил на пункте победы его личного художника, то ли подобное было доступно в этом мире любому художнику. Или все это досталось в наследство от какого-то в самом деле великого художника. Неужели?.. Что с ним случилось и так ли это, я спрашивать побоялся. Суеверие проклюнулось.

Мало того, поди что-то спроси лишнее, так сразу поймут, что ты с неба свалился. Вернее, из колодца вылез.

Но спросить все-таки следовало. Особенно по темам предстоящих работ.

– Чьи портреты?

– Кого угодно. Хоть себя рисуй.

– Зеркало надо.

– Будет! Ксана чуть позже принесет.

Это обещание поставного напомнило, как мне вслед смотрела смазливая секретарша. Очень обидно смотрела! Да и вообще как она высокомерно себя вела хотя бы с тем же Бореем, так и взывало к мелочной, мещанской мести. Обладать ее телом мне вряд ли удастся, а вот хоть немного унизить да заставить вокруг меня повертеться можно и попытаться. Другой вопрос, как к моим рассуждениям и пожеланиям отнесется шкафообразный начальник этого сектора. Поэтому я начал издалека:

– Обязательно только портреты?

Сергий только одним взмахом бровей взбодрил рвение заговорившего старшины.

– На конкурсе оцениваются работы по категориям, – затараторил тот. – Низшая – абстракционизм. Чуть выше – натюрморты. Потом портреты. Затем – во весь рост изображение. Ну и наивысшее – групповое изображение сразу нескольких людей или фантазия. Можно даже валухов рисовать. А то и гаузов. Улицы города и дома приравниваются к натюрморту, но если с людьми – к портрету.

«Партизаны на луне! Кто же те великаны? И чем отличаются валухи от гаузов?»

Все еще продолжая сипеть и коверкать слова, я стал осторожно выспрашивать:

– Если рисовать с натуры?

– Кого закажешь, тот и будет с тобой сидеть в одной камере! – с юморком обещание от поставного.

– Женщину?..

– Легко!

– А если голую?

– У-у-у! – Сергий умудрился и глаза в восторге закатывать, и кивать одновременно.

– Покрывало и… она!

Я жестом указал на кровати расстеленное покрывало, потом улегся на живот и согнул одну ногу в коленке, как делают супермодели на рекламных фотографиях.

На это уже замычали оба. Кажется, от самой возможности лицезрения подобной картины они от слюнок ничего иного и сказать пока не смогут. Но мне еще оставалось показать ту «капельку» таланта, после которой мои требования станут более весомы. Поэтому я на мольберт, развернутый к зрителям, прикрепил лист ватмана кнопками и буквально несколькими линиями нарисовал силуэт женского тела в только что показанной мною позе. Гипна не подвела! Как и маленькая сестренка Мансаны в своем ведьмовском просмотре, сказавшая, что я стану великим живописцем: я мог себя смело зачислять в академики. По крайней мере, по рисунку. Оба местных господина сидели и мычанием выражали свои восторги.

Голову к силуэту пририсовал только контуром прически, без лица, и замер, не зная кого изобразить.

– Женщина… – Я всем видом изображал терзания великого маэстро перед творимой формой. – О! Может… Ксана?

Интересно было смотреть на обоих: старшина Борей весь как-то дернулся, словно размышлял, смеяться или нет. Тогда как поставной нахмурился, закряхтел, задвигал своими могучими плечами, словно на него вдруг высыпали большую коробку с кусачими муравьями. Однозначно он свою секретаршу не только для мебели держал, и вполне возможно, будь он в пылу начальной влюбленности, мне могло и непоздоровиться от вспышки ревности. Но похоже, что своими капризами и склочным характером Ксана уже и его достала. А такой резкий, независимый и характерный самец никогда долго не станет терпеть вмешательства самки в свои дела и спускать ей покушения на его личную свободу.

То есть временная ситуация оказалась самой удачной для некоторой смены комбинации в их отношениях. Вариантов было несколько: разрыв, укрощение, наказание или разъяснение зазнавшейся девице ее истинного места. А то и просто попытка опозорить и унизить. Хотя я позже узнал, что в данном мире считалось за огромную честь позировать профессиональному художнику хоть голой, хоть вообще в непристойных позах. По большому счету, поговори я с

Ксаной отдельно, она бы и сама пришла в мою камеру для работы натурщицей. Может быть.

Ну а тут еще и Сергий решил:

– Ну да, коль рисовать тело, то пусть будет одно из лучших нашего сектора.

– О! Есть еще лучше? – выдавил я уже шепотом.

На это лицо поставного пошло гримасами. Мол, и есть, и лучше, но уже не для рисования, а для… «И не для всех! А только для меня!»

Ну кто ж спорить станет с главным начальником, который, кажется, себе уже имеет на примете более покладистую, но, главное, более шикарную секретаршу. (Бедная Ксана! Догадывается ли она?)

Я тоже не спорил. Поэтому без единого звука отдал снятый ватман в протянутую ручищу. За что был по-братски похлопан по плечам второй подобной ручищей и награжден благословлением:

– Работай. Все у тебя будет. Обед привезет Ксана чуть позже. Когда нарисуешь первый портрет и он мне понравится, вообще проси из еды что только душа пожелает. Об остальном тебя проинструктирует Борей. Не унывай!

После чего Сергий, словно ходячая скала, поспешил по своим делам. А я и не унывал. Уж как-нибудь, но пару недель и в тюрьме пересижу, портретами занимаясь. Потом выведаю про друзей, помогу им выбраться куда надо да сбегу. Свой колодец с переходом тоже без труда отыщу. Теперь самое главное – это сбор информации. Особенно про гаузов выведать все надо поподробнее.

– Ну вот, – радовался старшина сектора, как ребенок, – говорил ведь тебе, что наш поставной – добрейший, умнейший мужик!

– Да уж!.. Но вот с обедом…

Но слушать меня пока не стали.

– Тем более что мы о таком художнике, как ты, уже лет десять мечтаем. Кстати, замок я закрою, чтобы тебе кто посторонний не мешал. Но самое главное, если вдруг нагрянет с инспекцией барон Фэйф, ты старайся к нему синяком больше поворачиваться, пусть он видит, как тебе тут несладко приходится.

«Ага! Синяка на мне уже завтра не будет благодаря первому щиту. Или можно как-то притормозить выздоровление?»

– Ну и не вздумай при нем какую-то глупость сморозить. Есл и что уже готовое на холсте будет, к стене разверни, чтобы не увидел ненароком. Сам знаешь, насколько эти валухи простаки и как мало разбираются в искусстве, но выставляться перед ними тоже нельзя. Мало ли что.

«Ну вот, кажется, разобрался, кто такие валухи: великаны. А что они простаки, то это старшина явно деликатничает. Тупые эти валухи! Ну совсем ту-у-упы-ые! – в стиле популярного у нас в России комика носилось в моей голове определение. – Еще бы отомстить тому придурку, который меня в трубу затолкал…»

Борей уже стоял в двери, когда я жестом указал на странное окно:

– Там?

– Сам и посмотри! Пока, закрываю, работай.

Надо же какая забота! Все-таки меня закрывают не по причине недоверия, а чтобы мне никто не вздумал случайно помешать. Хотя я первым делом присмотрелся к замку, когда шаги старшины стихли в отдалении. Изначально просканировал металл: отменного качества. Да и слишком странный какой-то сплав, словно маленькие перекрученные косички. Такой замок не сломаешь даже несколькими ударами тяжеленной кувалды. А вот механизм – простейший. Мне, как имевшему полчердака подобных железяк и деталей, достаточно будет четверти часа для вскрытия.

Теперь к окну. Ба! И в самом деле – окно! Причем выходящее на вполне себе приличную улочку этого подземного города. Высота под два метра, ширина в половину метра. Пять толстенных прутьев, стоящих вертикально, за ними рука просовывается легко и открывает наружу жутко запыленное окно. И

неторопливый городской гомон наполняет мою тюремную камеру. Отлично видны окна домов напротив, но они все зашторены. Просматривается солидный кусок улицы с редкими прохожими. Порой видна повозка, запряженная осликами, порой сами люди катят арбу. Но никакого постороннего запаха от возможного на мостовой навоза. Над головой прохожих, на уровне верхних окон висят более мощные фонари все того же дневного освещения.

Монументальный город!

И люди! К кому ни присмотришься, вполне себе нормальные, не угнетенные, не подавленные. Порой молча идут, порой рассказывают что-то, порой смеются. Если сильно не задумываться о некоторых деталях одежды, то вполне себе улица среднестатистического европейского городка. По крайней мере, так мне она представляется по кинофильмам и кадрам информационных новостей. Сам-то не сподобился побывать.

– Эй! Смертник! – Резкий женский окрик от двери моей персональной тюрьмы (а что, сам ведь проживаю!) заставил меня оторвать лицо от решетки и сфокусировать расплывающийся взгляд на секретарше поставного. – Не пойму, зачем тебе зеркало?

Она уже его пропихнула между решеток двери. Довольно большое, овальное, можно спокойно пользоваться в ванной комнате во время бритья, мытья… и вытирания. Но вот вид Ксаны так и кричал о горящем в ней любопытстве, пылающем презрении и разгорающемся ехидстве. Видимо, босс ей ничего пока толком не рассказал, а просто в грубой форме приказал отволочь мне эту совершенно неуместную в тюрьме вещицу. Так что ей еще и обидно было за незаслуженную грубость. Хотелось хоть на ком-то отыграться и унизить морально. Наверняка она уже и фразы подходящие заготовила, но я ей поломал заранее спланированный спектакль. С воздетыми к ней руками бросился к двери и рухнул там на колени.

– О богиня! Как дивно смотрятся твои волосы при этом освещении! – При этом старался подставить для обозрения пострадавшую часть своего лица. – А твоя кожа кажется нежнее и мягче, чем крылышки ночного мотылька!

Прокол! Глаза красавицы сразу же сузились в подозрении.

– Кто такой мотылек?

Ну да, откуда у них тут мотыльки, если они на поверхности не бывают!

– Я специально для тебя его нарисую и подарю. Это такая прекрасная бабочка с разноцветными крылышками.

– Кто такая бабочка?

– М-да.

– Ты так странно говоришь.

Второй прокол! Не с моим говором пытаться в точности повторить местный многопрофильный акцент. Но останавливаться тоже нельзя.

– Прекраснее тебя нет во всем мире! О Ксана! Ответь мне: придешь ли ты еще хоть раз ко мне перед моей смертью?

– Еще чего! Обойдешься! – и, грациозно развернувшись, стала уходить. Но видимо, вспомнила, как собиралась меня и унизить, и обозвать, и что-то выспросить, потому почти замерла на месте. Мне этого и даром было не надо, поэтому я опять взвыл голосом давно не целованного Отелло:

– Ты услышала мои мольбы?! Возвращаешься?!

После подобных вопросов вернуться и продолжить со мной прения показалось даже такой фифе невероятно зазорным делом. Так она и скрылась с моих глаз, ублажая их невероятной грацией своего соблазнительного тела. Но не ушла из моих мыслей. Уж я-то точно знал: ей и обед придется доставить, и от работы натурщицы, скорее всего, не отвертеться. Да и как любой здоровый мужчина не мог отказать себе в неких фантазиях фривольного толка.

Но расслабляться и уходить в мечты не позволяла окружающая обстановка: какая-никакая, а тюрьма. И если я хочу здесь «отсидеться» спокойно недельку, а то и другую, следует немедленно приступать к выполнению данного мне поставным задания. Вернее, наложенного на меня наказания.

Вначале решил начать с рисунков. То есть сделать рисованный портрет себя нынешнего, и зеркало для этого мне казалось одним из обязательных условий. Расставил удобно мольберт, прикрепил самый большой лист ватмана, ну а на второй установил зеркало. Кстати, и все остальные предметы для работы живописца тоже отличались невероятным качеством и удобством, а бумага так вообще показалась изумительной.

Короткая настройка, с окончательной выборкой света от ламп, и я приступил к рисованию собственного портрета. И что самое интересное: в зеркало пришлось взглянуть раз десять, не более. Обряд гипны мне и в этом деле давал неограниченные возможности. В сознании у меня словно сам по себе формировался весь образ предстоящего рисунка во всех его мельчайших подробностях и многочисленных нюансах, а потом наступал творческий всплеск, и я становился неким подобием человека, о котором говорят: увлеченный. Почетно – одержимый. Хотя бывает и так: бесноватый.

Руки двигались легко, смело прорисовывая большие, насыщенные линии. Пальцы сами выхватывали нужный карандаш или грифель. Глаза перестали метаться к зеркалу уже на третьей минуте работы. Ноги словно приклеились к одному месту, не желая менять выбранный ракурс.

В принципе я несколько раз становился свидетелем работы художников-портретистов. В нашем городе на одной из малых площадей как раз и располагались по выходным те, кто за определенную плату брался нарисовать что угодно. Некий карикатурный образ у них получался минут за десять, более сложный и многоцветный портрет – минут за сорок. Солидные заказы выполнялись за несколько часов.

У меня же автопортрет цветными карандашами получился минут за двадцать вдохновенного и яростного труда. После чего я с естественной гордостью принялся ходить по всей камере и рассматривать созданное произведение с разных ракурсов и с разного расстояния. И что мне сразу пришло на ум, так это понимание, что портрет удался. Может, и не шедевр с точки зрения мирового искусства, но уж ни один из художников моего города на Земле подобного ни за что бы не нарисовал. Вернее – за такое короткое время. Больше всего радовал стиль рисунка: жесткие, насыщенные линии, глубокие тени, смещение контраста, и все это на грани гротеска. Ну и время от времени я замирал на одном месте, мысленно восклицая: «Красота! Неужели это мне удалось так

шикарно нарисовать?! Да имея подобные таланты, можно зарабатывать бешеные деньжищи!»

Вот в один из моментов «замирания» Ксана меня и застала:

– Чего это ты стоя спишь? Бездельничаешь? – Рисунок она видеть не могла, мольберт был повернут в другую сторону. – Или собой в зеркало любуешься?

Из чего следовало, что моя внешность у нее до сих пор вызывает неприятие, но кое-какой интерес уже просыпается. К тому же вплотную к решетке стоял некий столик на колесах, на котором лежала довольно скромная арестантская порция. Вот она меня в первую очередь и поразила. Проигнорировав вопросы красавицы, я сам воскликнул с негодованием:

– Почему так мало? Поставной обещал кормить не хуже, чем самого себя!

– Да ты издеваешься, беглый? – Ксана с высокомерием ткнула пальчиком в миску с какой-то кашей. – Ты даже этого не заслужил! Еще возись тут с тобой.

– Почему это? Первый портрет готов! – Я прекрасно видел, как девушка собралась перейти к прямой ругани, мстя мне за свою доставку. Но похоже, что о своей роли натурщицы она еще и не догадывалась, и решил это дело немножко поторопить: – Так что я требую себе много мяса, сыра, хлеба, салатов и… всего остального. Порций на пять, не меньше. Когда я творю – мой аппетит удесятеряется.

За время этого монолога я приблизился к решетке вплотную и попытался сквозь ее прутья перетащить к себе доставленный мне скромный обед. Кружка с не совсем понятным не то компотом, не то кумысом уместилась на выступающей каменной полке. Окаменевший от черствости хлеб я зажал под мышкой. Кусок серого на цвет кабачка, страшно безвкусного, я проглотил почти не разжевывая: «салаты съедаются первыми». Подошла мне и деревянная ложка, занявшая место рядом с кружкой. А вот миска с кашей… Если бы это была хоть густая перловка! Так, нечто среднее между похлебкой и манной кашкой для детей.

– Однако! Как же я кашу буду есть?

– Как и все подобные тебе свиньи! – дождалась возможности меня оскорбить красавица. – Становишься на колени у столика, черпаешь ложкой здесь и заносишь в свою камеру.

О такой мало сказать «хамоватая». Такую надо обязательно наказывать. Тем более у меня преимущества: я-то знаю, что данная фифа уже в опале у большого босса и тот собирается от нее избавляться. А она разве что подспудно догадывается.

«Сволочь! Над голодным человеком издевается! – Во мне мой голод-зверь уже и в самом деле проснулся и начал словно слон топтаться по желудку и прочим дорогим для меня внутренним органам. – Ну погоди, я тебе устрою! Пусть только ты ко мне попадешь в натурщицы!»

Мало того, пока я поставил миску на столик, желая перехватить ее левой рукой, наглая секретарша бесцеремонно отодвинула столик от решетки:

– Ты и каши не заслужил! Покажи вначале, что ты там намазюкал!

Причем все таким тоном, который никак не предполагает непослушания. А кто ослушается, тому будет и очень плохо, и очень больно. Ведь недаром даже такой человек, как старшина Борей, относился к девице с необычайным почтением, чуть ли не со страхом. Но то он, а то я. Тем более что мой разум несколько помрачился в тот момент, когда каша стала недосягаемой. Родилось непреодолимое желание хоть чем-то, но запустить в это холеное, надменное личико. Только чем? Под левым локтем у меня была зажата четвертушка черствого хлеба. Как ни был я разозлен, но понимал, что таким твердым да и тяжеловатым предметом питания и убить можно. Не говоря о том, что хлеб – это не только ценный продукт питания, но и… (кушать-то хоцца!). Ложкой запустить? А чем потом жрать буду? Как жаль, что сразу не догадался кашей плеснуть! Кружка? Зато кумыс в кружке точно подойдет.

И, долго не раздумывая о последствиях, с похвальной точностью и кучностью, я выплеснул жидкость прямо на девушку. Хорошо попал, душевно! Но если бы предвидел, как она меня вспугнет своим визгом, вернул бы время вспять и вместо обливания просто покорно показал бы девице свой автопортрет. Ксана была неподражаема в своем гневе! А сногсшибающим визгом могла бы смело сражаться на поле боя, будь то с великанами, будь то со зроаками или с

кречами. Я даже присел непроизвольно, роняя несчастную арестантскую пайку в виде хлеба на пол. Ну чистый соловей-разбойник в юбке!

Вдохнул я уже после того, как визг затих в отдалении: Ксана побежала жаловаться на подмоченную репутацию.

Пришлось здраво прикидывать: что мне за такой поступок будет? При всей «доброте» поставного он может и разъяриться. Тем более он вряд ли поверит, что за такое короткое время портрет успешно нарисован. А значит, под горячую руку мне может и достаться, ведь при всем своем высоком самомнении о себе мне со здешним боссом конфронтация никак не нужна. Спасти меня от скорой расправы мог только мой труд живописца. Поэтому я сразу развернул мольберт с автопортретом к выходу, еще и пододвинул как можно ближе. На второй мольберт пришпилил еще один лист ватмана и в бешеном темпе принялся рисовать, пока опираясь на собственную память, портрет местного начальника.

И не прогадал. Услышав приближающийся топот, Сергий попал ключом в замок с разгона. Но, уже открывая решетку, делал это с солидным замедлением. А когда вошел в камеру заточения, вообще замер, разглядывая мой автопортрет. Минуты две он так стоял, а когда стал открывать рот, я, продолжая шепотом имитировать надорванное горло, стал ворчать:

– Так и стой! Хорошо свет на лицо падает. Отличный портрет получится.

Сергий нахмурился, но замер. Можно сказать, что и дышать перестал. Только и косил глазами то на меня, то на уже готовую картину.

А на меня опять нахлынуло вдохновение. Я рисовал словно про?клятый, словно это последний рисунок в моей жизни, и словно он просто обязан оказаться самым лучшим. Можно сказать, что я тонул в тот момент в нирване собственного творчества. Вокруг ничего больше не существовало: только ватман и перенос на него изображения позирующего мне натурщика. Причем я с восторгом замечал, что перенос происходил не только внешности человека, но и его внутреннего мира. Такой типаж, как поставной, недаром находился на подобном месте и на подобной должности, и не знаю каким чудом, но мне удалось отобразить на карандашном портрете ярость этого человека и его уверенность в себе. Его жесткое, самоконтролируемое бешенство и ту некую доброту, которая все-таки и в самом деле наличествовала у этого человека. Его незаурядную хитрость и

несомненные дипломатические таланты. Да и еще нечто, что конкретно не поддавалось моим умозаключениям.

Так он и получился у меня на портрете: в упор, метров с четырех, глядящий на зрителя сверху вниз.

«Странно вроде, рисовал быстрее, а получилось лучше, – засомневался я, отходя на должное расстояние и любуясь своей работой. – Или это так быстро время пролетело? Хм! А ведь очень даже респектабельно получилось! Видимо, мастерство тоже от частых тренировок зависит».

Также меня удивило, что ни единой тени, ни единой линии мне подправлять не хочется. Хотя в голове вдруг неожиданный критик стал нагло требовать: «Вон там чуточку надо продлить линии, вон там надавить, а вон там чуток теней добавить». В общем, спор с самим собой я выиграл, понимая, что надо срочно ковать железо, пока оно горячо. Поэтому развернул к зрителю и второй мольберт со словами:

– Ну как? Достоин я за такие умения нормального и обильного питания? Тем более что во время работы обмен веществ в моем организме проходит раз в пять быстрее, чем в остальное время. Можно сказать, что я выгораю изнутри, если желудок пустой. Вот я и не выдержал, облил Ксану, после того как она отодвинула столик с кашей от двери.

Поставной повернул голову, оценил, где столик, и с пониманием кивнул. Потом снова уставился на свой портрет. При этом хмыкнул и позволил себе ухмыльнуться:

– Отодвинула столик? За такое убить можно. Тем более при пятикратном ускорении метаболизма. Кстати, ты так странно говоришь, с чего бы это?

Меня очень поразило употребление научных слов в речи гиганта. А вот мои потуги не проговориться – расстроили. Все-таки мой шепот и хрип не служили должным образом при маскировке. Слишком рано я начал творить длинные предложения, упущения в произношении сразу высветились. Но с другой стороны, я уже понял: Сергий меня в Пловареш ни за что не отправит. А значит, можно частично приврать:

– Наш академик так разговаривал. Ну и среди учеников было модно его даже в разговоре копировать.

– Угу, угу. – Теперь он стал ходить по камере, рассматривая мои работы с разных ракурсов. – Значит, готов в нашем городе навсегда остаться?

– Несомненно!

– Хорошо, очень хорошо… – После чего он стал снимать оба листа ватмана с досок. – Эти я забираю, пусть пока у меня хранятся. А про Ксану… Ха-ха! Ты даже не представляешь, как ты угадал с обливанием: она, оказывается, тебе в кружку вместо положенной бражки из сыворотки что-то иное налила… Ха-ха-ха! Умора с ней, честное слово!

«Ах она… – Мои мыслеобразы наполнились руганью и новыми планами мести. – Эта тварь до таких подлостей дошла?! Вот потому она так возмущенно и визжала, что мерзостью сама оказалась облита! Не рой, сука, другим яму!»

– И сильно она на меня зла? – прошипел я скорее для поддержания разговора, потому что и так знал ответ на подобный вопрос.

– Не то слово! Она готова тебя на ленточки располосовать за испорченное платье… ну и за все остальное.

– Зачем ей платье? – подивился я. – Все равно будет позировать голая.

Видимо, поставного все еще терзали некоторые сомнения по поводу отдания своей недавней любовницы мне на «обработку».

– Думаешь, стоит ее и так проучить?

– Не сомневаюсь. Глядишь, в будущем будет своему мужу угождать как положено, а не вести себя как последняя мымра! – вырвалось у меня.

– О! А что такое мымра? – ухватился за новое слово Сергий.

– Да такая вот, как Ксана: со всеми вредная, противная и спесивая, а тому, от кого зависит, готова половым ковриком под ноги стелиться.

Гигант задумался, припоминая:

– Вначале и в самом деле стелилась. Зато в последнее время и со мной стала… мымрой. Если бы в себе не сомневался, подумал, что она для своего тела другого полюбовника нашла.

– Может, и нашла? – перешел я на совсем мелочную месть.

– Ха-ха! Молодец! Настроился против Ксаны по максимуму. Ну ладно. Можешь дальше рисовать?

– Вначале бы поесть… за пятерых. Потом поспать пару каров, – стал я прикидывать свои возможности. – Ну а потом могу и дальше рисовать… Опять-таки если еды будет много.

– Ну тогда поешь и поспи, а потом я тебе Ксану пришлю с нужным покрывалом. Кстати, будут еду заносить, сразу с вестовыми и договаривайся: чего тебе, сколько и когда подавать дальше. Там ребята понятливые, справятся. А я им сейчас отдельно распоряжусь.

Когда он ушел, мне захотелось от голода взвыть, но есть каменный кусок хлеба, который у меня имелся, я себе не позволил: а вдруг и его эта подлая секретарша чем-то испачкала? Ну а так как в безделье ожидание тянется троекратно дольше, я решил себя занять. На этот раз я уже установил на мольберты рамки с полотнами и попытался карандашиком наводить некие размытые в сознании образы. Натурщица еще придет или нет, а вот свободная тема «Фантазия» тоже шла по высшему уровню и могла мне оказаться весьма интересной. Тем более что специально руководить рукой при нанесении контуром я не пытался, наоборот, думал о чем угодно, и мой взгляд был затуманен до невозможности. Наверное, так рисуют люди с очень плохим зрением: неважно что, важен сам процесс.

Помогло. Отвлекло. Зверь-голод меня изнутри не порвал.

Из работы я вынырнул, когда раздался скрип решетчатой двери. Двое поваров и двое вестовых в некой униформе поставили принесенные корзины сразу за порог и с некоторой опаской вышли наружу, закрывая дверь за собой. Тогда как самый старший из поваров несколько удивленно на меня посматривал.

– Велено доставить обед ресторанного типа на пятерых и узнать следующий заказ.

Свои аппетиты я уже знал, поэтому, стараясь не подавиться слюной, осмотрел доставленные корзины и бегло опросил насчет иных возможных блюд. Из этого меню и исходил, заказав себе ужин персон на семь-восемь. Повара все внимательно записали, но уходить не спешили, видимо, очень им уж хотелось посмотреть, кто ко мне еще в гости придет.

Потакать их интересам я не стал. Лишь подхватил самую внушительную корзину и расположился с ней на той кровати, которая стояла сразу от входа налево. Если решетка не открыта, то и не увидишь, кто там сидит и что делает. Зато услышишь! Ел я с рычанием, поправ все правила хорошего тона. Чавкал, с хрустом разгрызал куриные окорочка, шумно запивал соусами и громко икал, когда запить вовремя не успевал.

Когда подался за второй корзиной, с той стороны решетки никого не было. А жаль! Я уже собирался дать некоторые существенные дополнения к предыдущему заказу. Мой растущий организм требовал, требовал и требовал (когда он насытится наконец?!). Ушли повара. Ну нет так нет! В следующий раз буду более предусмотрительным!

Как и рассчитывал, за два часа съел все. Ну а чего добру пропадать? Не ровен час, испортится что или подсадят ко мне в камеру какого нахлебника. Потом бейся головой о стену.

Два моих законных часа сиесты тоже никто не прервал. А вот потом бесцеремонное вторжение меня заставило вывалиться из сна. Кстати, сна очень и очень интересного, жаль, Лени рядом не было, у него здорово получалось толковать подобные загадки потустороннего мира.

Пришел поставной. Злой, разъяренный и жутко сердитый. А перед собой он толкал Ксану, попискивающую от страха, бессилия и унижений. Что самое

интересное, ее левый глаз заплывал огромным кровоподтеком с невероятной скоростью. Видать, фингал оказался последним, самым веским аргументом местного босса, после того как секретарша решила устроить истерику и отказаться от высочайшей чести быть запечатленной на полотне великого художника из иного мира.

Понятное дело, что художник не собирался признаваться в иномирском происхождении, да и кто бы его спрашивал? Поставному нужны картины – для победы долгожданной над соседним сектором этого подземного города. Ну а его секретарше только и надо было, что дотянуться до горла этого ненавидимого ею художника и душить, душить, душить… Так, по крайней мере, расшифровывался ее ненавидящий взгляд, который нет-нет да просматривался сквозь ручьи слез.

– Вот, академик, принимай на работу натурщицу! – (Чего это он меня сразу так высоко продвинул?) – Пока не нарисуешь две картины, так и будет тебе позировать сколько надо и как надо.

– Так, а это? – Я жестами показал на красный фингал вокруг глаза девушки. Мол, видок-то подпорчен! Куда красота подевалась?

Заказчик меня понял. Грубо ухватил девушку за личико и развернул ко мне правой щекой:

– Рисуй в профиль. А надо будет в анфас, поменяй одну сторону на другую. Они ведь одинаковые?

Я не удержался от смешка:

– Будет у нее два правых глаза! Хм! Оригинально получится.

– Академик! Поступай, как тебе нравится. Не будет слушаться… – Строптивая секретарша вздрогнула в его руках. – Можешь наказывать, как считаешь нужным. Только кости ей не ломай… пока еще казнь не заработала. Ха-ха!

Шутки шутками, месть местью, но именно в тот момент я окончательно и отчетливо понял, что вокруг меня и в самом деле средоточие рабства. В какой бы среде ни жили люди, как бы они ни конфликтовали между собой по мелочам,

но вот именно таким способом заволочь в тюремную камеру иного человека – для этого нужны были самые что ни на есть тепличные условия. Ладно меня, непонятного беглеца, могли сбросить в трубу с риском для моей жизни, но вот эта красавица, как бы она ни зарывалась, как бы ни подличала и ни унижала остальных, все-таки имела право на какое-то снисхождение, разбирательство и человеческое к себе отношение. А тут получалось, что она бесправная, как скот. Хуже! То есть и в самом деле она – рабыня. Как и все вокруг окружающие – тоже рабы. А всеми ими заправляет тоже раб, пусть и самый сильный, но поставленный руководить и поддерживать порядок внутри этого громадного рабского стада.

Да, тут есть некая видимость свободы. Конкурсы проводят, чуть ли не олимпиады. Вон даже убегают в леса, и их никто особо там не ищет. Но суть существования – все равно рабская. Пусть пока непонятная мне, по истории и первопричине, но тем не менее рабовладение здесь жесткое.

Мне стало жалко Ксану. Да только поздно. По крайней мере, на данном этапе переиграть свои действия никак не получится. Сергий уже составил определенный план и стремится к своим целям любыми средствами. Он и напомнил, швыряя красивое, но тоненькое покрывало на кровать, где еще стояла пустая корзинка:

– Пусть позирует совершенно голая. Сам не справишься с натурщицей, я за себя не ручаюсь! – И было совершенно непонятно, к кому больше относилась эта угроза. Ведь могло и мне достаться, если обещанная развратная картина не будет создана правильно и в срок. – Как кормят?

Пока я кивал и тыкал пальцами в корзины, словно по заказу появились мои старые знакомые: повара и вестовые. Заметив в камере поставного, они, наверное, подумали, что это мы вместе с ним тут пировали и все выели подчистую. Поэтому быстро забрали пустую тару, получили мой заказ на второй ужин и умчались, не проронив лишнего слова. Зато не удержался от вопросов главный человек сектора:

– Второй ужин? А я всегда думал, что это называется разминка перед завтраком. Но… зачем тебе так скоро? Неужели и это все съешь?

– Постараюсь. Тем более что по нашим правилам художник обязан также позаботиться о питании натурщицы.

– А-а! Тогда не буду вам мешать. Но за ночь пару раз загляну обязательно. Работайте! – Он уже было и до решетки дотронулся, как вдруг вспомнил, как я изображал на кровати позу лежащей женщины. Поэтому резко развернулся и спросил у меня: – Как будет расстелено покрывало?

Я быстро смахнул оставшиеся на кровати крошки после моего пиршества, расстелил покрывало как положено и указал на него ладонями. Но это поставного не удовлетворило.

– Раздевайся и ложись, – обыденным голосом распорядился он Ксане.

Та еще попыталась сделать отчаянную попытку сопротивления. Мило улыбнулась и, сложив ладошки на груди, попробовала обратиться к мужчине по имени и что-то у него попросить. Может, надеялась на свою неотразимость? Получилось только хуже: ведь кровоподтек уже стал на пол-лица, и от былой красоты остались только воспоминания и раздражение. Недавний любовник, злобно рыкнув, шагнул навстречу своей секретарше, показательно занося руку для удара. Сопротивление закончилось, началось раздевание.

Я продолжал видеть Ксану с ее правой стороны, поэтому она для меня оставалась и сексуальной, и на диво фигуристой. Поэтому даже непроизвольно сглотнул, представляя медленное раздевание наподобие стриптиза. Но я еще ни разу в жизни не видел, чтобы женщины раздевались так быстро и так неинтересно. Да и не подозревал, что такое бывает: я только раз моргнул, а она уже совершенно голая стоит у кровати и всем видом своим спрашивает: как именно лечь?

Вопрос Сергием был переадресован мне, и, нисколько не смущаясь (а чего, у нас ведь, художников, с натурщицами всегда так!), я показал, как надо лечь, как поднять ножку и как подпереть ладонью подбородок:

– Примерно, так. Со стороны потом мне лучше будет видно.

Глядя на разлегшуюся красавицу и похвально цокая языком, поставной забрал всю одежду девушки да и оставил нас наедине друг с другом. Ушел по-

английски! Или это не англичане уносят с собой одежду?

После этого мне ничего не оставалось, как приступить к… ужину. Ну и пригласить подругу по заточению разделить трапезу. Да-да, именно в таком порядке: самому усесться за стол, а потом и даму пригласить. Иначе не получалось. Во-первых, ароматы вкусностей меня уже достали, во-вторых, хотелось скрыть странную, сковавшую меня неловкость, ну и, в-третьих, не хотелось встречаться с ненавидящим взглядом моей натурщицы. А во время еды, как мне казалось, организм окружал себя некоей аурой против сглаза или чем-то подобным.

«Хорошо еще, что Ксана не вашшуна! – мысленно радовался я, физически ощущая, как пытается пробиться прожигающий взгляд сквозь мою эфемерную ментальную защиту. – Не то сейчас бы прокляла, и детей бы у меня своих уже не было. Только приемные. Кстати, что там поделывает Шаайла? Уж ей-то достаточно объявить себя целительницей – и забот никаких. Подобные врачеватели нужны во все времена и эпохи. Опять-таки если она сразу не вернулась со страху назад и если решила нас с Леней разыскивать на поверхности. Может, она думает, что с нами беда? А то и позвала кого-нибудь на помощь прямо через вентиляционную щель? Да нет, это вряд ли. С ней был ее драгоценный камень, а она его побоится посторонним даже показывать. Так что будет вначале осторожно и долго осматриваться. Э-э! А ведь у нее ни пищи, ни воды с собой! Или была фляга на поясе? – Моя идеальная память художника тут же дала картинку шагающей в пропасть вашшуны. – Уф! Была. Хуже всего – немедленное возвращение. А там – зроаки. Но мне кажется, она девчонка сообразительная, не оплошает».

Глава четвертая

Каждому свое

Шаайла и в самом деле долгое время не решалась сделать больше чем два шага от места переноса в иной мир. Причем по многим причинам. Первая: она нигде не видела Чарли Эдисона, помощника мастера-оружейника. Или как называл своего друга сам Мастер: Лени. Ну не было Лени нигде: ни на крутом склоне горы впереди и по бокам, ни сзади, в небольшой, всего (!) метров двадцати,

пропасти. Да и площадка в два квадратных метра никак не позволяла на ней играть в прятки.

Вторая причина: как раз малый размер вышеупомянутой площадки.

Третья: мешал прижатый к груди камень и торчащий из-под него факел. Ну с этими трудностями удалось справиться до того, как иссякли последние силы. Камень был благополучно уложен под ноги, а факел погашен. Да и какой с него толк при ясном дне и под лучами внушительного, голубоватого светила?

Четвертая причина: как целительница, девушка быстро определила, что долгое пребывание под данным солнцем весьма вредно. Долгое не в смысле нескольких каров, а гораздо дольше – несколько рудней, а то и лутеней.

Ну и пятая: сколько хватало глаз, нигде по окружающим холмам, густо заросшим громадными деревьями, не виделось ни единого человеческого жилья. Дымков тоже не наблюдалось.

Весьма смущал и тот факт, что обещавший шагнуть следом Михаил Македонский так и не появился. Просидев на своем камне около кара, никого не высмотрев и никого не дождавшись, Шаайла вначале исследовала площадку и все ее боковые грани. Отысканный значок с тремя щитами, который она не только нащупывала, но и прекрасно видела, девушку успокоил. Вашшуна осознала, что достаточно шагнуть обратно, и она окажется над колодцем, в подвале разрушенного древнего пантеона. Но понимала и всю опасность такого шага в ближайшие дни: зроаки будут вне себя после колоссальных потерь на поле боя и еще больше взбесятся после бесполезного поиска исчезнувших людей-героев. Ну и будут грызть камни в поисках подземного хода. До иного они никогда не додумаются.

Разве что кто-то из людоедов нечаянно подтолкнет своего соплеменника, тот шагнет в пропасть с правой ноги и… окажется вот на этой совершенно лысой горе.

После этой мысли Шаайла много каров просидела с готовым к немедленной атаке мечом. Вода кончилась, светило тоже склонилось к закату и скрылось за горизонтом. Вначале стало темно, потом резко похолодало, а потом взошла луна. В мире Трех Щитов о такой красоте и не знали, поэтому девушка готова была любоваться дивным объектом на небе хоть всю ночь, если бы не поняла,

что замерзает. И когда она делала уже сотое приседание, пытаясь согреться, случайно заметила далеко внизу мигающий огонек костра.

Понятное дело, раз там костер, то там и люди! Вполне возможно, что там и Михаил с Чарли! Значит, придется спускаться к ним, ведь вряд ли в этом мире могут существовать людоеды. Да и в течение дня никого не было замечено в небе крупнее орла. Так что здесь и кречей нет. Другой вопрос: что делать с камнем? Тащить его вниз, а потом вновь тянуть через несколько дней в гору – чистая бессмыслица. Да и посторонним древний амулет показывать не следует. Значит, лучше всего оставить подарок от далеких предков прямо здесь. Как там говорили парни: «Где лучше всего спрятать ценную вещь? На самом видном месте!»

Несколько шагов в сторону от площадки, расковырять мечом некую выемку труда особого не составило. И вот уже камень ничем особо не выделяется от окружающего ландшафта. Лежит основательно, ни за что вниз не скатится. Ну и перед началом спуска появилась вторая луна. Феерическое зрелище для человека, который никогда в своей жизни на небе ничего, кроме звездочек, не наблюдал. Стало почти светло, но парадокс: с обилием света резко похолодало.

Пришлось вашшуне спускаться вниз бегом, укоряя себя за непредусмотрительность. Могла бы и с вечера догадаться спуститься, заготовить хвороста для костра, да и вообще оборудовать место для ночлега. Зуб на зуб не попадал, тело покрылось пупырышками, но радовало то, что огонек костра, а вернее, нескольких костров не исчезал надолго во время движения, и благодаря этому направление выдерживалось верно. Не прошло и часа, как, осторожно передвигаясь между огромными стволами деревьев, девушка приблизилась к внушительной поляне и стала присматриваться к происходящему. Да и прислушиваться, потому что песни разносились по лесу на довольно большие расстояния. Кстати, именно по песням путешественница между мирами поняла: язык весьма сходный и вполне понятный. Ну а некие шероховатости в произношении и разности диалекта всегда преодолимы при желании общаться.

Кстати, с противоположной стороны поляны время от времени доносился собачий лай. Похоже, там находилось с десяток «друзей человека», которые, скорее всего, осуществляли охранные функции именно с той стороны. Как раз и легкий, леденящий ветерок оттуда дул. Но собак вашшуна не боялась: умела усмирить, а то и запугать даже большую стаю. В мире Трех Щитов собаки были

большой редкостью, и селекция этих животных носила чаще декоративный характер, но две боевые особи были и в монастыре, так что навыки обращения имелись отличные. Мало того, она могла и дикими животными управлять по своему усмотрению. Если они, конечно, хоть какие-то мозги имели.

На поляне пировали люди. Человек сто, не меньше, и из них примерно одна треть женщин. Все поголовно – с оружием. Да плюс возле каждого под рукой внушительное, по силам хозяина, копье. Часто копья стояли неким подобием шалаша за спинами людей. Столами для пира служили огромные стволы деревьев, просто грубо стесанные сверху до ровного состояния. Лавками служили стволы потоньше, установленные на пеньки. Похоже, что данная компания собирается здесь довольно часто, если не еженощно, и ее участники являются, скорее всего, соратниками по одному воинскому отряду.

Правда, одежды у них разнились слишком уж дико и пестро. Щеголяли кто в чем, и создавалось такое впечатление, что либо здесь все отчаянные модники и оригиналы, либо здесь, в одном месте собрались представители окраинных царств огромного континента. Именно так могла подумать девушка, явившаяся сюда из мира Трех Щитов. Кстати, име нно поэтому в ее сознании отсутствовало такое понятие, как разбойники. В родном мире, а уж тем более в царстве Леснавское все люди считали врагами только людоедов и кречей. Так что воевать между собой, грабить или убивать друг друга им и в голову никогда не приходило. Ну да, случалось редко нечто разбойное и преступное, но где-то там, очень далеко, на краю континента. О таких вещах в приличном обществе даже не упоминали. Так что радость вашшуны, когда она увидела людей, можно было понять.

«Свои! – думала она, шагая в сторону костров. – Вот только странно, раз они с оружием, то чего опасаются? А раз опасаются, то почему не выставили дозоры или постовых?»

Оказывается, пирующие люди все-таки перестраховывались от визита нечаянных ночных гостей. Но не визуально или с помощью дозоров, а с помощью некоей, совершенно непонятной для девушки магии. Что-то у нее под ногами зашуршало, по сторонам послышался скрежет, и тотчас с двух ближайших деревьев оглушительно рявкнули какие-то явно механические устройства.

Все пирующие люди тотчас похватали свое оружие, повернулись в сторону нарушения периметра поляны, и в руках у них оказались осветительные

приборы. В мире Трех Щитов тоже такие переносные люмены имелись, но чтобы они так мощно и ярко светили, такого не было! Не ожидающая ослепления Шаайла подняла руки, прикрывая глаза. Но потом все-таки постаралась их опустить, давая возможность разглядеть себя полностью. Если бы в толпе пирующих оказались Михаил с Чарли, они бы сразу отозвались голосом, ну а раньше, чем тебя о чем-то спросят, самой что-то лепетать и спрашивать смысла нет. Мир все-таки чужой, люди явно навеселе, ну и хорошо было известно, как на подвыпивших мужчин отрезвляюще действует «неземная красота» молодой целительницы.

Подействовало и в этот раз. С женщиной ее никто не перепутал, зато критическое отношение к внешности проявилось в первых же восклицаниях:

– О! А это кто такая? Неужели заблудилась, красотка?

– Скорее она тут и родилась, после того как медведь переспал с сосной.

После такого мнения, высказанного одним из балагуров, толпа резко расслабилась, похохатывая и опуская оружие. Но интерес к незнакомке не пропал, видно, подобные развлечения здесь происходили слишком редко. Подначки и предположения так и сыпались от штатных юмористов компании:

– Видно, ее из пещеры кто-то выгнал, часто в темноте пугала.

– Да что ты! Кто такую прелесть выгонит! Скорее за нее слишком уж много поединков устраивалось, вот пещера и опустела.

– Ну да, теперь девочка ищет новых воздыхателей.

– Не может жить без звона мечей в свою честь!

Хохот так и перемежал каждое восклицание, и девушка никак не могла определиться с направленностью подобных высказываний: то ли простой треп находящихся под хмельком мужиков, то ли вульгарное издевательство над гостьей. В ее мире подобного никто себе не позволял, причем неважно, виден ли был медальон вашшуны или нет. Сейчас эта отличительная деталь была заметна очень хорошо, и в конце концов кто-то обратил на него внимание:

– Да она еще и знатного рода! Глядите, с какой цацкой на груди ходит.

– Ну так ведь небось кушать хочет, вот и будет ей чем расплатиться.

– Точно! Ну, чего ты там встала? Хочешь побыть мишенью для наших копий? Двигай быстрее сюда и снимай медальон.

– И все остальное тоже отдавай, – хохотнул еще один, совершенно лысый мужик. – Сама отдавай. Обыскивать тебя у меня рука не подымется!

Последняя шутка почему-то особенно развеселила пирующих. Даже женщины смеялись, вытирая выступившие слезы. И Шаайле закралась в голову логичная мысль: «А что они тут вообще пьют вместо алкоголя? Может, настойку из мухоморов? Слишком неадекватное у них поведение, того и гляди попадают на землю и начнут сучить ногами в припадке. Нескольких я еще могу успокоить, но вот на всех одурманенных идиотов силенок не хватит».

Она все-таки двинулась вперед, уже жалея, что засветилась своим медальоном. Вполне возможно, что о вашшунах в этом мире вообще ничего толком не знают, вон как пренебрежительно о символе магического отличия отзываются. Но прятать уже было поздно, да и гордость такое сделать не позволит.

Но шла девушка чуть правее, к той группе пирующих, которые смотрелись более серьезно и где сидели самые красивые, опрятно одетые женщины. По здравому размышлению здесь обязательно будет либо атаман, либо старший по званию, либо самые уважаемые, дельные воины. Вот именно с ними и следовало начинать диалог. До импровизированных столов оставалось с пяток шагов, когда рассердился тот самый мужик, который требовал отдать все. Он опять вскочил на ноги и, поглаживая свою лысину, двинулся наперерез с угрозами:

– Куда это ты пошла? Не слышала моего распоряжения? Я тут главный казначей, так что все драгоценности обязана сдать мне!

Шаайла замерла на месте и, стараясь обращаться ко всем, заговорила как можно громче:

– Это не украшение. Это – знак моей принадлежности к вашшунам. – Так как в повисшей паузе все недоуменно переглядывались и пожимали плечами, стало понятно, что они и слова такого никогда не слышали. Пришлось объяснять дальше: – Вашшуны – это целительницы, которые могут излечивать болезни. Причем не только излечивать, но и насылать болезни в виде наказания.

Так называемый казначей компании несколько снизил темп своего продвижения, прислушиваясь к женскому голосу, но намерений своих не поменял. Приблизившись вплотную, он требовательно протянул внушительную ладонь к самому лицу ночной гостьи:

– Медальон!

Все замерли, с огромным интересом наблюдая за развитием событий и боясь пропустить хоть слово. Если кто и поверил, что девушка целительница, то защищать ее или поинтересоваться деталями не подумал. Да и в самом деле, чего спешить, если прямо сейчас все и выяснится, кто есть кто.

Шаайле пришлось самой защищаться и угрожать в ответ. Силы свои она чувствовала, но сразу начинать знакомство с этими людьми с проклятия, а то и убийства не хотелось. Поэтому продолжила свои угрозы:

– Если ты коснешься медальона, навсегда останешься импотентом!

Казначей так рассмеялся, что согнулся в три погибели, опираясь ладонями на колени. Ему вторил хохот и за столами. Это казалось более чем странным, ведь что может быть для мужчины более неприятным, чем очутиться бессильным в отношениях с женщиной?

«Кажется, в этом мире что-то не так. Или этот лысый баран имеет защитные амулеты против моих проклятий?»

Мужик отсмеялся, помотал с издевкой головой и потянулся к медальону:

– Ладно, мои руки меня не подводят.

Случись подобное в мире Трех Щитов, отличительный знак вашшун просто убил бы на месте своего осквернителя. Никто, а уж тем более из мужчин, не имел права прикасаться к подобной святыне без разрешения владетельницы. Скорее всего, убил бы он и казначея ночной пирушки, да Шаайла сдержала энергию разряда. Слепящая молния, светящийся ореол вокруг лысой головы, и болезный завалился со стонами на землю.

Ну и следовало в полнейшей тишине сразу же пояснить суть и итоги наказания:

– Отныне этот дядя не сможет иметь детей и всех остальных удовольствий, связанных с данным процессом. Причем сразу хочу добавить, что это не лично моя прихоть или ярая антипатия к данному недоумку, просто силы самого мира защищают целительниц от унижения и надругательства.

Лысый постанывал у ее ног, а все остальные озадаченно примолкли. Причем переносных люменов на лице девушки сосредоточилось еще больше. Из-за этого было трудно сразу рассмотреть, кто стал с ней говорить. Но кто-то из той группы, к которой и приблизилась вашшуна. Хотя по всеобщему молчанию остальных пирующих стало понятно, что говорит некто уважаемый или имеющий власть:

– Защищают? Может, они тебя и от копья защитят?

– Нет, не защитят. Физически можно убить любого человека. Но тогда зачем вообще жить, если люди будут убивать друг друга?

– Хм! Ты странно говоришь. Из какого ты города сбежала?

– Я не из города, я прибыла сюда издалека. Очень далекого далека к тому же.

– Теперь понятен твой странный выговор. Но неужели ты прибыла сюда с гор?

– Ты угадал, – подтвердила истинную правду Шаайла. – Не по своей воле, но мне пришлось отправиться сюда. Правда, я слишком заблудилась и не совсем понимаю, что тут у вас происходит.

– Но разве ты не встретилась с малыми общинами, которые проживают на окраине этого громадного леса? – продолжал допытываться плохо различаемый из-за ослепления мужчина.

Над таким вопросом следовало задуматься, и жалко, что не было для этого достаточно времени. Но как истинная разведчица, девушка понимала: довольно важно запутать свой след. Собаки у них есть, захотят пойти по следу, обязательно придут на вершину голого холма. А там не столько путь в иной мир, сколько драгоценная святыня в виде древнего амулета.

Вот потому и последовал ответ максимально расплывчатый:

– Мне не с руки было встречаться с иными общинами. Я старательно обходила любое человеческое жилье.

– Даже так? Сейчас скажешь еще, что искала именно нас?

– Увы! Я даже не знала о вашем существовании. – Мешать правду с ложью всегда легко. – А послали меня сюда вашшуны нашего монастыря для поиска…

Она замерла на полуслове, словно размышляя: стоит ли открывать все свои намерения перед этой подозрительной компанией. Но повисшую паузу прервал нетерпеливый голос:

– Чего ты умолкла? Мы никогда не слышали о каком-то монастыре в горах и о странных вашшунах. Так что, скорее всего, ты врешь. А твои трюки с электрошокером нас тем более не удивят. Так что даю тебе последнюю возможность себя реабилитировать. Признавайся, кто ты такая и что здесь ищешь?

Гордо приподняв подбородок, Шаайла воскликнула:

– Люди должны быть едины и верить друг другу! И кто я такая – уже говорила. Ну а по поводу моего поиска… Мне и в самом деле понадобится ваша помощь. Меня послали на поиски волшебного дерева. Оно считается легендарным, и его плоды при определенных рецептурах могут излечивать массу различных заболеваний. Называется оно мадроньо и выглядит вот так…

После чего в течение пары минут подробно описывала дерево мадроньо. Подобное растение и в самом деле существовало в легендах мира Трех Щитов и даже имело подробнейшие отображения в медицинских книгах, но считалось давно вымершим видом. Отыскать только и смогли, что несколько кусочков стволов, окаменевших от времени. Так почему бы не попробовать здесь отыскать нечто подобное? Вещь, конечно, невероятная, но, по крайней мере, звучит очень правдиво, да и в мелочах или на ошибках никогда не поймают: описание дерева мадроньо вашшуна в свое время выучила назубок. И теперь пересказала с воодушевлением и внутренним восторгом.

А вот реакция слушателей поразила: все опять зашлись в дурном, гомерическом хохоте. Это было так обидно и неприятно, что Шаайла не сразу обратила внимание на восклицания здешнего атамана, прорывающиеся у того сквозь смех:

– Казначей! Кончай ею любоваться! Она – твоя!

Лежащий у ног лысый мужик давно пришел в себя и, похоже, только и ждал этого приказания. Коварно подсек ноги вашшуны, а потом еще в момент ее падения жестоко добавил ей кулаком в висок.

На сознание девушки опустилась тьма.

Глава пятая

Вредная гордыня

От присутствия за моим столиком дама отказалась. Вернее, вслух-то она ничего не сказала, хватило испепеляющего взгляда. Поэтому больше я себе аппетит портить не стал, но все равно наелся относительно быстро, почитай, и половины не съел, как появилось желание то ли поспать, то ли поработать, то ли…

Будь я один, последних мыслей бы не возникало, я бы просто завалился и часика два солидно подремал. Но доля рабская излишнего отдыха не подразумевает изначально. Да и сомневаться не приходилось: мое бездельничанье будет

учтено и с особым злорадством передано в нужные уши. Значит, оставалось только одно: работать. По крайней мере, следовало хотя бы зафиксировать начальную деятельность. А там натурщица устанет, захочет спать, вот и уважительные причины для переноса работы на завтра. Как я понял, двое суток до конкурса у меня есть, так что торопиться некуда. Уж как-нибудь одну картину маслом напишу.

Ну а чтобы даром время не терять, ведь языки и уши в процессе рисования не участвуют, я решил выспросить у Ксаны как можно больше об этом мире. Дабы она изначально не вздумала противиться, надавил на нее морально:

– Помнишь правила поведения натурщиц во время сеанса у академика? – Озадаченные морщинки на лбу показали, что красавица о таких правилах слышит впервые. – Ну что за женщина! Как мне дерзить – так она первая, а как правила знать – так в отстающих. Слушай внимательно, повторять сто раз не буду. Существуют только три темы, от которых натурщица не имеет права отказываться во время сеанса и среди которых она имеет право выбирать. Это следующие темы…

После чего я сделал паузу, более интенсивно нанося карандашом на полотно силуэт лежащего передо мной великолепного образца. Правда, сделал это с критическим замечанием:

– Носочек тяни! На поднятой ноге, говорю, пальчики вытяни! Вот, так эстетичнее смотрится.

Пусть тянет. Быстрее устанет, значит, быстрее уснет, я к столу вернусь. А то я вдруг заметил, что уже не в силах бороться со своим инстинктом продолжения рода. Все-таки это не раз взглянуть на голое тело и не два, а с утроенной благодаря гипне чувствительностью пытаться всю эту красотищу срисовать так, чтобы она выглядела не хуже живого образца. Особенно когда вот так старательно вытягиваются розовые пальчики на ступне.

Ксана не выдержала первой:

– Представляю, какие там правила.

– Ну, это как смотреть. И учти, ты имеешь право выбирать. Так вот, первая тема: твои сексуальные пристрастия и твои эротические фантазии во время слияния с партнером. То есть все то, что тебе хочется, как тебе нравится и как ты предпочитаешь. Но! – Я прекрасно видел, как обнаженное тело побледнело. – Данная тема обязательна лишь во время создания очень специфической картины. В данном случае ты можешь выбрать одну из двух оставшихся тем: рассказы из твоего детства или история твоего родного города. Причем обе темы следует начинать с самого раннего детства или от закладки первого камня. Понятно?

Моя натурщица опять озадаченно хмурилась:

– Зачем тебе про камни и про мое детство знать?

– Глупышка! Данные сведения, рассказываемые человеком, позволяют ему полностью расслабиться, уйти мыслями в воспоминания. Именно в этот момент становятся более четко видны те внутренние чувства, которые и должен опытный живописец запечатлеть на полотне. Иначе получается банальная копия, не имеющая жизненной силы. Понятно?

– Если так, то… понятно. – В ее взгляде появилось определенное уважение ко мне. – Но все равно странно.

– Ничего странного, тем более что по собственному опыту уже давно убедился: женщины предпочитают чаще первую тему. Потому что именно в ней они раскрывают всю свою внутреннюю красоту и душевную гармонию.

Ксана явно не поверила моей лжи:

– Прямо так и раскрывают?

– Понятное дело, что есть и такие, которые выбирают иные темы. Но ты ведь не настолько стеснительная, правда?

– Ты ошибаешься! Но не в определении моей стеснительности, а в определении моих умственных способностей. В нашем городе любая женщина согласится позировать художнику при рисовании портрета, но делает это только

добровольно и ни в коем случае не рассказывает свои сокровенные тайны.

Такая отповедь была более чем интересна. Выходило, что девица уже общалась с художниками, как минимум, а то и позировала им. И прекрасно понимала, что темы мною, скорее всего, надуманы. Вот только она не могла понять суть предоставленного мною выбора. Ловушка просматривалась ею сразу, но вот какая именно, понять она не могла.

Да и как бы она догадалась, что я банально хочу хоть как-то начать изучение истории этого мира? Хотя я бы с удовольствием сразу объявил иную тему разговора: «Что мне известно о гаузах». И хорошо, что я о них вспомнил, можно ведь постараться и в самом деле протолкнуть подобную тему для разговора.

– В каждом городе – свои традиции. Потому и мастерство картин разнится невероятно. А мне так вообще с учителем повезло: талантище! Так что хочу еще раз тебя настоятельно предупредить: молчать ты не имеешь права. Тема для первого сеанса есть, так что начинай рассказывать. И не сомневайся, во время второго сеанса у тебя тоже останется масса выбора, чтобы потешить свою необычайную, врожденную скромность. Итак! Номер выбранной тобой темы?!

Глядящая на меня с подозрением девушка спросила:

– Вдруг я выберу историю своего города?

– На здоровье! Главное, не молчать. И время от времени реагировать на мои уточняющие вопросы. Ведь порой при пересказе мелькает приятное воспоминание о какой-нибудь улочке или знаменательном факте, и тогда в создаваемом образе появляется маленькая, мимолетная подробность, которую хочется рассмотреть детальнее и отобразить на полотне. Видишь, как все просто?

– И как ты себе мой рассказ представляешь?

– Историю про свой родной город или…

– Про город!

– Рассказываешь все и с самого начала: мой город называется так-то, расположен там-то, построен тем-то, знаменит по таким-то причинам. При этом не забываешь перечислить всех земляков, кто хоть чуточку прославился в истории или известен в данное время.

Вроде бы и удивляться больше было некуда, но девушка поразилась еще больше. Даже при этом привстала на руках, присматриваясь ко мне и непроизвольно показывая мне все достоинства своей груди.

– Ну а название города зачем?

Наверное, здесь никогда не вылавливали шпионов, да и вообще не знали, кто они такие. Иначе бы сразу во мне приз нали ничего не знающего пришельца. Зато мне самому было дурить доверчивых аборигенов проще простого. Хотя уж эту красавицу назвать доверчивой никак бы не получилось. Но и ей втер с должным пафосом и велеречием:

– Уже само упоминание имени собственного трогает в рассказчике невидимые струны сопричастности к предмету рассказа, вызывает в нем глубинные пертурбации души, настраивает на определенный лад повествования и расслабляет лицевые мышцы в должной мере.

Ксана улеглась опять, озадаченно мотнула пару раз головой и даже в таком положении умудрилась пожать плечиками:

– Ладно. Если это и в самом деле помогает.

– Еще как! Сама потом посмотришь на картину.

И мы приступили к полноценному сеансу.

Я начал заполнять сделанные наметки на холсте красками, а моя натурщица приступила к рассказу о своем родном городе. Оказалось, к моему счастью, что она здесь родилась и выросла.

– Мой город называется Макиль, и он больше всего известен нашей технической академией.

Лепота! Информация пошла вначале тоненькой струйкой, а потом и полноценным широким ручьем. Работа тоже на месте не стояла, продвигаясь вперед совершенно для меня пока непонятными аритмичными рывками. То я лихорадочно наносил краски, не совсем соображая, как, сколько и почему именно таких цветов, то я застывал на месте, пытаясь рассмотреть в мешанине мазков то самое нечто, которое и называется искусством. Кажется, именно рассказ о местном городе Макиль мне и мешал больше всего окунуться в экстаз творения. Ведь приходилось не только внимательно слушать, но и частенько задавать наводящие вопросы, подталкивать рассказчицу в нужном направлении.

Но с другой стороны, именно изучение местной истории и взаимоотношений как раз не позволяло мне ввалиться в работу всем сознанием без исключения, каждой клеточкой моего мозга и каждой мышцей моего тела. Именно из-за той самой аритмичности мне и удавалось поэтапно следить за своей деятельностью и не уходить за пределы здравого рассудка. Да-да! Именно так: пределы здравого рассудка! Потому что в некоторые моменты я неожиданно «проваливался» в творческий ажиотаж и осознавал себя вдруг страшно возбужденным, стоящим возле не замолкающей ни на секунду Ксаны. Кажется, она меня в этот момент очень боялась, потому и говорила без остановки. Ее голос возвращал меня в реальность, я делал вид, что поправляю ей прическу или расправляю покрывало рядом с изумительным телом, и, пиная мысленно ногами свои инстинкты самца, вновь возвращался к мольберту.

Так что моя идея под лозунгом «Болтун – находка для шпиона!» оправдала себя на двести процентов. Очень много узнал о данном городе Макиль и сумел себя удержать от конкретного изнасилования. Потому что вряд ли бы Ксана, пылающая ко мне, мягко говоря, антипатией, сделала бы в мою сторону хоть малюсенький шажок обольщения. У нее даже интонация была самой что ни на есть сухой и полной канцеляризма. Так может рассказывать только настоящая канцелярская крыса. Но это мне и помогало.

После второго часа интенсивной работы к нам через решетку заглянул поставной. Ни слова не говоря, присмотрелся, как я, весь заляпанный краской, творю, и, с недоумением прислушавшись к речитативу своей секретарши, так и ушел молча.

Второй раз он появился еще часика через полтора. Но на этот раз был не один, а со старшиной Бореем. Оживленно переговариваясь и обсуждая какого-то там торговца и скандал, с ним связанный, они по-хозяйски вошли в камеру-

мастерскую, зашли мне за спину без разрешения и стали бесцеремонно рассматривать созданное на полотне изображение.

Не знаю, как другие художники, но когда за моей работой вот так кто-то с пыхтением следит, да еще у меня из-за спины, у меня начинает все падать: и кисти, и краски, и тряпки, и… Ну все, короче. В том числе и желание работать. Но тут, как говорится, не гаркнешь: «Чего приперлись?!» Кто платит, тот и заказывает музыку.

Так что я просто прекратил работать, отошел в сторону и спросил:

– Ну и как? Возьмем первое место на конкурсе картин?

Борей стоял красный и смущенный, что особенно контрастно смотрелось на фоне его белых волос. Сергий – со слишком уж многозначительной улыбкой и облизываясь. Как я понял потом, уже позже, картина, а вернее, начальная заготовка картины получилась при всей своей размазанности и незавершенности слишком эротичной. Скорее всего, даже более эротичной, чем возлежащий на кровати оригинал. Это и предопределило дальнейшие события.

– Борей, забирай Михаила, и посидите пока в дальнем коридоре, – странно осипшим голосом скомандовал поставной. – Я вас потом позову.

Старшина тут же подхватил меня за локоток и уволок на выход. Я по своей наивности, а может, в опасениях быть в чем-то заподозренным вначале стал думать самое плохое: сейчас Сергий начнет допрашивать Ксану на предмет наших возможных шашней или чего посущественнее. А зная его неуемный и строгий нрав, можно было предположить и рукоприкладство. Поэтому даже вздрогнул, когда минут через пять до нас все-таки донеслись женские стоны. Потом послышалось и мужское рычание. Затем стоны стали достигать крещендо, и я все прекрасно понял: дело совсем не в рукоприкладстве. Поставной не сумел, а может, просто не захотел укротить свои неожиданно вспыхнувшие похотливые желания.

Вот она, сила искусства! Гордость и грусть – в одном флаконе. Для кого признание его таланта, а кому-то – очередное моральное унижение.

«Хотя чего это я так думаю? Скорее всего, этот гигант опять воспылал страстью к своей разбалованной, капризной лапочке и сейчас с помощью интенсивной любветерапии выпрашивает у красавицы прощения за свое скотское поведение. И, судя по ее ответной реакции, которая становится все громче и громче, свое прощение он уже получил. Или еще только получит?..»

Заметив, что я совершенно не слушаю его отвлекающий рассказ о торговце, Борей меня толкнул в плечо:

– Ты чего это кривишься и сомневаешься?

– Думаю, простит ли Ксана Сергия.

– Ха! Такие, как он, у таких сучек не просят. Вот увидишь. Тем более что уже у него новая красотка на месте секретарши сидит.

Такая новость действительно не оставляла «бывшей» никаких шансов. Но я все равно продолжил сочувствовать:

– Жалко.

– Кого?! Эту сучку?! – взвился старшина. – Ты бы знал, сколько она у меня крови попила за последние лутени! Хорошо, что у меня волос белый и седина не так в глаза бросается. А скольких парней из-за нее довелось со службы уволить! Мало того, три человека по ее вине сейчас гниют в принудительном войске на самом Дне!

И это он сказал таким тоном, что я сразу невзлюбил это «принудительное войско» всеми фибрами души и чуть ли не до обморока испугался неведомого Дна. Но отвечать на такое что-то следовало, поэтому я только в ужасе и прошептал:

– Не может быть!

– Ха! Еще как может! Только и удалось вымолить ребятам отправку не на год, а всего на пять лутеней. Но и за такое время там редко кто выживает. А если честно, то срок не имеет значения, все равно оттуда не забирают.

– О-о-о! – Сказать что умнее мне в голову не приходило.

– Вот тебе и «о»! Нашел кого жалеть… Тьфу! – Альбинос прислушался. – Ха! И сейчас вона как изгаляется! Старается, сволочь! А зря. Ничего у нее не получится. Ух, страсти сколько!.. Притворщица, подлее которой свет не видывал! Видимо, вернулись ей все проклятия обиженных да пострадавших! Сергий мне уже успел признаться, что в последние рудни сам ее еле выдерживал.

Он еще успел поведать мне кучу подробностей о подлом и склочном поведении бывшей секретарши, а я сочувственно кивал, вспоминая народную мудрость: «От тюрьмы и сумы не зарекайся!» Всего несколько часов назад эта фифа унижала окружающих, а сейчас вот сама находится на дне социальной лестницы. Хотя больше всего меня сейчас волновал вопрос: что такое Дно? И почему там принудительные вояки гибнут с такой невероятной скоростью? Ну а раз есть принудительные, то чем от них отличаются добровольные воины? Скорее всего, служба там и почетна, и не настолько опасна. Ведь недаром меня уже спрашивали, не желаю ли я пополнить их доблестные ряды. Или это все-таки гладиаторы?

«Вот напасть! И выспросить толком не у кого. Про город я узнал много, а вот про все остальное – мизер информации! И еще неизвестно, останется ли моя нынешняя модель для дальнейшей работы в камере? Да и сможет ли после таких действий реагировать должным образом на мои вопросы?..»

Тут и крики окончились. В смысле – страстные. Зато чуть позже послышался мужской вопль: «Борей!» Понятное дело, что мы со старшиной не заставили себя долго ждать. Ксана лежала на кровати к нам спиной, частично прикрытая покрывалом, порозовевшая и с учащенным дыханием. Тогда как поставной снимал недорисованную картину с мольберта с хвалебными словами:

– Она у тебя даже лучше получилась, чем в жизни. Последний раз убедился.

Как он меня ни пугал своим ростом и яростью, но я осмелился возразить:

– Картина еще не закончена.

– Ха-ха! Так кончай, кто тебе не дает! – хохотнул гигант весьма двусмысленно. – Но не сейчас, а чуть попозже. – И, словно старому другу, добавил, пригнувшись, на ухо, и отстраняя раму с полотном от себя: – Я ее забираю для сравнения с моей новой пассией. Посмотрю, насколько она лучше прежней. – И, уже во весь голос, добавил: – Рисуй новую картину. Только не такую, а чтобы и живот был виден, и грудь во всей красе. Ну и лицо постарайся сделать симпатичным целиком, а не половинку. Ха-ха-ха!

С этим смехом он и отправился на выход, там чуть не столкнувшись с поставщиками для нас ресторанной пищи.

– Молодцы, вовремя второй ужин приволокли! Теперь еще можете нашему заслуженному академику и вина принести. Немедленно! От меня лично – четыре лейзуены. А дальше, сколько он сам пожелает.

И ушел. Так как от прежней доставки у меня оставалось еще очень много продуктов, меня чуть не задавила жаба. Парни хотели забрать все, что, по их мнению, зачерствело. Понятное дело, что такого святотатства я допустить не мог и довольно резво отбил свое кровное, непосильным трудом живописца заработанное. Трое ушли с пустыми корзинами, явно не поверив, что у нас ночью намечается банкет, но зато весьма удивленные заказанным обильным завтраком. А навстречу уже бежал их товарищ с четырьмя бутылками. Не знаю, далеко ли у них ресторан, но обернулся он, словно на истребителе «мертвую петлю» сделал.

Лейзуены я рассмотрел, прикинул их емкость – чуть не литр каждая – и, покосившись на лежащую девушку, решил:

– Знаешь что, а принеси-ка сюда еще такую же порцию.

А молодой повар, видимо, только рад был носиться туда-обратно. Вскоре я уже восседал за столом, на котором громоздилось сразу восемь глиняных бутылок с вином, и распечатывал сургуч на первой из них.

– Ксана, садись за стол! Кушать будем! – Никакой реакции. Пришлось воздействовать на нее иначе: – Если завтра твоя мордашка получится на картине уставшей и голодной, я так и скажу, что ты не захотела ничего есть. А ты ведь догадываешься, насколько правдоподобные портреты выходят из-под

кисти настоящего академика.

– Не знаю! Не видела я твоей мазни! – послышались в ответ истерические реплики. – Мне даже ни разу взглянуть не удалось!

– Значит, была наказана за плохое поведение, – философски рассудил я и добавил: – Не сядешь за стол – такой изображу на картине!..

Подействовало. Завернувшись в покрывало, только недавно стонавшая от бурной страсти красавица подошла к столу и уселась на лавку с моего левого бока. То есть мы сидели друг к другу в профиль своими вполне пристойными на вид половинками лиц. В дальнейшем она кушала и пила, постоянно упуская край покрывала и оголяя то одно плечо, то целую грудь. Причем делала это так мастерски, что только мое периферийное зрение художника улавливало незаметные движения руки или нужный, якобы непроизвольный наклон тела. Но в начале нашего застолья меня это не раздражало. Наоборот, я посмеивался про себя и лишний раз убеждался в правильной оценке этой редиски со стороны старшины Борея. Что-то девочка задумала нехорошее, раз целенаправленным способом решила меня соблазнить.

Ну а чтобы случайно не поддаться, я себя настроил самым строгим образом. И вдобавок решил споить упавшую на дно небожительницу до скотского состояния. Как мне показалось, вина у нас для этого должно хватить. Правда, Ксана, когда я потребовал пить за каждый тост до дна, попробовала меня перехитрить:

– Ты пьешь полную кружку, а я только половину! Иначе – не согласна!

Знала бы она, сколько может в себя поглотить мой зверь-голод! Да еще под такую отменную закуску. Но я для порядку немного поломался и согласился не сразу. Принюхался к вину, попробовал его на вкус и только тогда вынес решение:

– Ладно, оно и так слабенькое. Кстати, откуда вот это винцо в вашем городе?

И опять косой взгляд в мою сторону.

– Что значит «откуда»? Как и в любой другой город, оно поступает из Блаши.

«Ну вот, еще и Блашь какая-то всплыла! Надо быстрее девчонке рот затыкать! Или себе… закуской».

Поэтому первые порции я разлил, словно заправский бармен, и, выпив сам, показал жестами, что даже словом не перемолвлюсь, пока и она не выпьет. Так и пошло: пока она пила маленькими глоточками, я набрасывался на закуску с яростью голодного волка. Когда же она пыталась что-то у меня спрашивать, мне мешал отвечать полный рот снеди. А когда сама девушка пыталась что-то покушать, ее кружка уже оказывалась быстро налита и я, со всем присущим мне красноречием, говорил следующий тост.

Они ей понравились. Еще бы! Вряд ли она имела возможность читать самые искрометные тосты в подборках по Интернету. Хотя и мне приходилось изворачиваться, чтобы не стало понятно: тосты из другого мира.

Где-то после пятого тоста Ксана стала непроизвольно улыбаться. После седьмого хихикнула. После десятого уже не поправляла спавшего с плеча покрывала. После пятнадцатого пробовала мне подпевать, сидя с призывно торчащими сосками груди. После двадцатого она всплакнула, Еще через три разрыдалась в истерике, проклиная этого громадного монстра, который сгубил ей молодость и испортил всю жизнь. После двадцать седьмого она уже не могла говорить связно. Разве что прорывались невероятно грязные, кощунственно звучащие в таких прекрасных устах ругательства.

Еще через тост ругательства и угрозы перешли на мою персону, и тут я совершил маленькую промашку. Мне показ алось, что сотрапезница еще не дошла до нужной кондиции, и я налил очередную порцию. Выпила она двадцать девятую по счету половинку довольно лихо и даже попыталась после этого вскочить с каким-то бравурным пожеланием. Покрывало подхватить я не успел, а вот падающую девушку поймал. Причем, пока донес ее до кровати, уже не сомневался: никакого притворства, полный отрубон!

Накрыл красотку многострадальным покрывалом, несколькими одеялами с других кроватей и уже в полном одиночестве за столом ударными темпами почти добил съестные припасы, запивая остатками вина. А чего уж там, день прошел интересно, пир напоследок я заслужил и в новом мире уже частично

освоился. Теперь только и оставалось, что хорошенько выспаться и постараться проснуться в тот момент, когда моя временная подруга по тюремной камере откроет свои глазки. Вернее, один глазик, потому что второй заплыл уже основательно и грозил на свет божий парочку дней вообще не поглядывать.

Кстати, ночь почти ничем в этом подземном городе не отличалась от дня. Ну разве что гомон с улицы чуток стих. Свет, по крайней мере, никто выключать не собирался, а выключателя внутри своей тюрьмы я так и не отыскал. А вот резкое похолодание и сильные подвижки воздуха были отмечены моим телом уже ближе к утру. Видимо, здесь ночью включали дополнительное вентилирование. Скорее всего, снаружи холодно, вот и внизу тепло выветривается. Закрыв плотно окно и собрав все одеяла с других кроватей, я только тогда сумел согреться и вновь заснуть.

И моя установка на пробуждение сработала верно: я почувствовал, что тяжесть на мне уменьшается, одеяла с меня стягивают. А кому это надо и для чего? Только Ксане и только для… Да что угодно такая коза может вытворить. Жаль, ночью не удалось дослушать ее страшные, полные ругательства угрозы. Верно говорят: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Так что я был очень и очень настороже.

Приоткрыв глаз, понял, что рядом с кроватью, босиком на покрывале, стоит Ксана и аккуратно пытается меня выпутать из горы одеял. Сама вся такая голенькая, соблазнительная и до умопомрачения доступная. Все мои мужские инстинкты самца резко проснулись, пытаясь оградить рвущееся в бой тело от повизгивающего со страха мозга. Хорошо, что я вовремя вспомнил вчерашние рассказы местного старшины дозора и исполнителей. Мне это помогло преизрядно, на Дно в принудительное войско, пусть даже точно не зная, что это такое, я никоим образом не хотел.

Поэтому я применил свое любимое в детстве развлечение. Бывало, Машка или лисички тоже вот так в мою комнату подкрадывались, стараясь меня напугать сонного, а то и водой холодной облить. И вот в тот самый момент, когда хитрый злодей крадется с коварными мыслями в голове и боится громко вздохнуть, его жертва вдруг сама взвивается со всеми одеялами и диким ревом к потолку. Здорово получалось. Хорошо помню, что подруги сами оставались при этом облитыми, а потом полдня за мной гонялись по всему нашему огромному деревенскому дому. Или сутки ходили обиженные и со мной не разговаривали.

Вот и сейчас произошло нечто похожее. А стоило вспомнить, что я уже не бывший недоросль-калека. Силенок у меня десятикратно прибавилось, да и росточком славно уродился. Только и приходилось опасаться кровати со второго яруса, мог бы сдуру сам себе голову раскроить. И все равно получилось более чем эффектно: я орал, удачно накинув фифе пару одеял на голову. Ксана завизжала от страха и ужаса, попятилась, тут же наступила на край одеяла и упала на спину. При этом и мольберт на себя завалила. Тогда как я с небывалой ловкостью и проворством носился с ревом по всей камере и накидывал на девицу все новые одеяла, матрасы и единственное прилично смотрящееся покрывало. Потом перешел на конкретные вопли:

– Помогите! Я тут убийцу поймал! Он ко мне подкрался и пытался задушить! Ксана, где ты?! Помогите!

После третьего круга моих воплей за решеткой появилась заспанная физиономия старшины Борея. Не удивлюсь, если его личная обитель окажется самой близкой как к тюрьме, так и к офису поставного. На сотую долю секунды я замер на месте, подморгнул старому служаке и несколькими жестами пояснил, кто и почему барахтается под одеялами.

Дальше мы уже ругались и кричали в два голоса.

Душевно получилось. Когда Ксана выбралась-таки из-под одеял и бедного мольберта, она выглядела, как на картине «Взрыв на макаронной фабрике», настолько ее наэлектризованные и расхристанные волосы торчали в разные стороны.

– Так это ты меня душила?! – подступил я к девушке со зверским выражением на лице.

– Нет! Я только хотела поправить на тебе одеялко, – попыталась она выкрутиться, хотя и так было понятно: не душить она меня собиралась, а соблазнить, нырнув ко мне в теплую постельку.

Но я-то я спал одетым да плюс ко всему проснулся вовремя. Ну и ко всему Борей уловил тему наезда прямо по ходу спектакля:

– Какое одеялко? Я буквально четверть кара назад заглядывал: академика под горой одеял не видно было, так он от холода спрятался. Или ты его решила разбудить пораньше? – Девушка на этот вопрос интенсивно закивала. – А с какой такой стати? Он сам решает, когда ему работать и сколько! Придется поставному доложить о безобразиях в камере.

Ну и я еще добавил, словно престарелый, разочаровавшийся в людях ханжа:

– Эх, Ксана! Я к тебе со всей душой! Поделился вчера вином, почти треть тебе отдал по доброте душевной, ужином угощал как товарища по заточению. А ты меня – душить собралась?

– Треть? От восьми бутылок? – совершенно искренне поразился альбинос. – Ну ты и сильна выпить. От такой дозы и я бы свалился с ног. А ты еще и одеялко пораньше спешила поправить. Заботливая какая!

Чтобы нас не видеть и не слышать наших ехидных голосов, моя натурщица накрылась одеялом с головой и заткнула уши. Да и личико у нее в анфас было более чем страшненькое: левый глаз и в самом деле почти не открывался, а красный кровоподтек вокруг него стал расцвечиваться желтыми и синеватыми оттенками.

Я тем временем сбегал в туалетную комнатку, а потом сразу подался к столу. Разминая пальцы, словно перед игрой на фортепьяно, еще и старшине сделал приглашение:

– Хватит на всех! Пока принесут завтрак, успеем малость подкрепиться.

– Увы! С арестантами не имею права, – ерничал Борей, косясь на пытающуюся подняться Ксану. – Еще потом обвинят, что объедаю и так скудный паек правонарушителей. А мне как раз служба нравиться начала на благо сектора, можно сказать, все сложности и унижения позади остались.

Последние строки явно дошли до ушек адресата, но никакой реакции не последовало. Но вот зато когда старшина ушел, Ксана без приглашения поспешила к столу, отыскала на нем остатки рассола от салата и спешно выпила. После чего подхватила кусок какого-то кисловатого растения, напоминающего ревень, и стала меланхолично жевать, присматриваясь к тому,

как я сметаю остатки нашего ночного пиршества.

Потом все-таки решила поговорить:

– Зачем ты меня подпоил?

– А зачем ты меня хотела задушить? – ответил я встречным вопросом.

– Неправда! Я просто сильно замерзла и хотела лечь к тебе погреться. У тебя было так много одеял…

– Ну так взяла бы себе парочку, а не стояла босиком совершенно голая на покрывале, – посоветовал я. – И вообще… злая ты. Я к тебе со всей душой…

– Ты? Со всей душой?! Ха! Вот нахал! – опять стала впадать девушка в истерику. – Да я из-за тебя всего лишилась! Любимый мужчина меня покинул, место работы потеряла, репутация у меня теперь сродни вора-карманника будет, который из подобной камеры не вылезает. Да ты…

Крепкое словцо, а то и ругательство уже было готово сорваться с ее губ, но тут принесли завтрак. И вскоре я уже попивал новую бутылку вина и закусывал несколько однообразной, но все равно вкусной и сытной пищей. Съел почти все, чем вызвал на личике моей сокамерницы странное выражение. Она смотрела теперь на меня с каким-то ужасом и омерзением.

– Ну и чего ты так на меня уставилась? – не выдержал я.

– Ты хуже всякого монстра! Ты хуже тервеля! Столько даже Сергий никогда съесть бы не смог. Ты очень, ну очень странный. А кто твои родители?

Этот неожиданный вопрос показал, что Ксана вряд ли успокоится, пока меня не разоблачит или попросту не смешает с грязью. И даже неважно, кто такой тервель. Неприятно, когда идет сравнение человека и пусть даже дикого зверя с подобным выражением на лице. Я окончательно понял, что следует как можно быстрее выпроваживать такую вот натурщицу из моей персональной мастерской. Тьфу ты, забылся: из моей персональной камеры. Ну, я и ответил:

– Папа с мамой! – И сам задал вопрос по делу: – Наелась? Тогда стели покрывало и укладывайся для работы. – (Как многозначаще прозвучало!) – Ну и сразу готовься к повествованию по выбранной теме.

Пока я выбирал и закреплял загрунтованное полотно на мольберте, красавица и в самом деле улеглась по моим подсказкам в нужную позу. Долго мудрствовать я не стал, а выбрал самый классический и популярный на Земле вариант «Маха обнаженная», по образцу и подобию великого Гойи. Как раз как клиент заказывал: и грудь будет видна, и животик, и ножки во всей красе.

Но, уже наводя карандашом контуры будущей картины, я сразу приступил к добыче нужной мне информации:

– Итак, выбирай тему: вчерашняя, номер один, – о твоих сексуальных предпочтениях; вчерашняя, номер два, – о твоем детстве, и третья… – Ее я огласил после некоторых раздумий: – Например, о чем-нибудь страшном. Ну, допустим… Вот чего ты боишься?

– Уже ничего! – надменно ответила Ксана. – Все самое страшное, что только возможно, со мной уже случилось.

– Да-а? Ну а вот себе представь, что тебя вдруг отправляют… на Дно!

Судя по вздрогнувшему телу, очень хорошо она представила. Чем я и поспешил воспользоваться, наращивая голос до сурового баса:

– Что, неужели испугалась? Ха! Ты даже побоишься заикнуться о таком страшном и суровом месте. И знаешь почему? Стоит тебе рассказать о Дне все подробности, как ты обязательно туда попадешь!

Получилось как в сказке, когда на жуткой-жуткой полянке жутко-жутко умерла жуткая кошечка. Моя натурщица вздрогнула в несколько раз сильнее, а ее кожа покрылась пупырышками. Удар достиг цели, и вчерашнюю секретаршу пробило на истерику:

– Нет! Это ты туда попадешь и будешь сожран бешеными улитками! А я ничего не боюсь! Даже постараюсь рассказать так, чтобы ты испугался и обделался,

мерзкий, противный, гадкий мазила!

Вновь пришлось изображать из себя наивного добряка:

– Мазила – это кто? Футболист, не попадающий по воротам?

От таких вопросов девушка чуть отстранилась назад, словно боясь от меня заразиться, а потом нервно рассмеялась:

– Да ты не от мира сего! Ты – сумасшедший! И тебе самое место – на Дне!

После чего с воодушевлением и даже с горящим от злости правым глазом приступила к рассказу о самом жутком месте этого мира.

Глава шестая

Абориген – друг шпиона (любого!)

За последующие сутки Леонид узнал много нового и даже умудрился поправить свое бедственное положение с водой и продуктами. Причем совесть его оставалась чиста и раскаяния не терзали. Хотя в другом случае и в иной ситуации такой коварный обман ребенка и доставил бы ему моральные терзания.

Самое главное, что присвоенные продукты питания можно было считать итогом правильного торгового обмена. Тем более что легендарные домовые просто обязаны были заботиться о тех людях, в доме которых они обитают и из рук которых они берут подношения. И помогли в добыче такой информации подслушанные разговоры на кухне тех самых криминальных личностей. Местная шайка воришек накануне поздно вечером весьма активно и подробно обсуждала детали предстоящего наскока на дом зуава Сегедского. Тот хоть и считался жутко обедневшим дворянином, но его дом оставался средоточием весьма ценных реликвий, украшений и ценных вещей. Из-за отсутствия денег там охранников оставалась только треть от обычного количества, поэтому связать их, а то и убить считалось для банды делом плевым. Вот они и решили уже

следующей ночью совершить свой грабительский налет.

– Тем более что все дозорные и исполнители вместе со старшиной сектора будут стянуты к обители поставного, – радовался один из грабителей. – Там с завтрашнего утра начинается выставка королевских драгоценностей…

– Вот бы их взять! – не удержался от мечтательного вздоха один из самых младших подельников.

За что, судя по звуку, получил подзатыльник и строгое наущение:

– Впредь сиди и помалкивай! Если никто нам не помешает случайно, то мы и у зуава Сегедского себе на год безбедной жизни заработаем.

Самое смешное, что на дело банда шла с другой бандой, под руководством того самого Косого, которого они проклинали и хаяли накануне. Но тут уже пути бандитов, как говорят следователи, неисповедимы.

Так что информация была. Идея, как прикинуться домовым, и технические средства для этого тоже имелись. Ну а объект для уговоров тоже не заставил себя долго ждать. Тем более что на этот раз он спустился в подвал и сам, и грустный. Видимо, товарища либо его родители не отпустили, либо сам барон ввел некие строгости для собственного сына. И кстати, было за что.

– Эй, Маняла! Ты меня слышишь? – Пришлось убрать камеру выше да и громкоговоритель на переговорном устройстве поставить на максимум.

К большой радости, мальчуган не испугался. А может, желание разгадать тайну у него страх пересилило.

– Да. А где ты?

– Здесь, недалеко.

– А кто ты?

– Домовой.

– Ха! Это сказки! Домовых не бывает! – Но голос ребенка уже дрожал от предвкушения приближающегося приключения.

– Ну вот, многие нам не верят, – максимально грустным голосом стал стенать мэтр циркового манежа. – Поэтому мы и вымираем от голода.

– Покажись мне, и сразу тебе поверю! – срывающимся от счастья голосом пообещал Маняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yuriy-ivanovich/smertel-nyy-reyd

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить